АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ПАМЯТНИКИ

ПОЭЗИЯ СКАЛЬДОВ

Издание подготовили
С. В. ПЕТРОВ,
М. И. СТЕБЛИН-КАМЕНСКИЙ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
Ленинградское отделение
Ленинград · 1979

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ СЕРИИ
«ЛИТЕРАТУРНЫЕ ПАМЯТНИКИ»

М. П. Алексеев, Н. И. Балашов, Г. П. Бердников,
Д. Д. Благой, И. С. Брагинский, А. С. Бушмин,
М. Л. Гаспаров, А. Л. Гришунин,
Л. А. Дмитриев, И. Я. Дьяконова, Б. Ф. Егоров,
Д. С. Лихачев (председатель), *А. Д. Михайлов,*
Д. В. Ознобишин (ученый секретарь),
Д. А. Ольдерогге, Ф. А. Петровский, Б. И. Пуришев,
А. М. Самсонов (заместитель председателя),
М. И. Стеблин-Каменский, Г. В. Степанов,
С. О. Шмидт

ОТВЕТСТВЕННЫЙ РЕДАКТОР
М. И. СТЕБЛИН-КАМЕНСКИЙ

П $\frac{70404\text{-}573}{042\,(02)\text{-}79}$ 485.79. 4703000000.

© Издательство «Наука»,
1979 г.

Предисловие

В этом издании впервые сделана попытка перевести стихи скальдов размером подлинника, т. е. с воспроизведением всего того сложного и строгого узора аллитераций и внутренних рифм, который составляет сущность скальдического стихосложения. В переводе отражены и другие характерные черты скальдической формы: замысловатые и похожие на загадки поэтические фигуры (так называемые кеннинги), причудливое переплетение отдельных предложений между собой, вычурная, архаическая лексика. Естественно, однако, что переводчику пришлось все же кое в чем упростить скальдическую форму: в его переводе кеннинги, как правило, двухчленны (тогда как у скальдов они часто трех-, четырех-, пяти-, шести- и даже семичленны), предложения переплетаются только изредка и архаизмов гораздо меньше, чем в подлиннике. Тем не менее читатель, вероятно, не преминет заметить, что даже несколько осовремененные переводом стихи скальдов непохожи на поэзию в современном понимании этого слова. Пусть, однако, обнаружив это, читатель не делает поспешного вывода, что стихи скальдов — это вообще не поэзия, но постарается осознать тот факт, что на ранних этапах становления литературы поэзия действи-

тельно была совсем не похожа на поэзию в современном понимании этого слова. Попытка объяснить, что такое поэзия скальдов, делается в приложении.

Все переводы в этом издании выполнены С. В. Петровым и публикуются впервые.

М. И. Стеблин-Каменский

БРАГИ СТАРЫЙ

ДРАПА О РАГНАРЕ

1 Ведьмин враг десницей
Взял тяжелый молот,
Как узрил он рыбу,
Страны все обсевшу.

2 Смотрит злобно мерзкий
Ремень путей ладейных
На того, кто волоту
Вежу плеч изувечил.

3 В глыбах блеска Гевьон
Вглубь везла Зеландье.
У волов валил аж
С лядвей жар да с паром.
Лун во лбах их восемь
Лепые светлели.
К данам бармы боя —
Бычья шла добыча.

ТЬОДОЛЬВ ИЗ ХВИНИРА

ПЕРЕЧЕНЬ ИНГЛИНГОВ

[1] Йдет слух,
Что Ингвара
Эсты-де
Зарезали.
В стане вражьем
Эстов рать
Мужа-де
Замучала.
Веет вал
Князю свейску,
Сам поет
Светлую песнь.

[2] Ингьяльда же
Преясного
Вор дома,
Дымовержец,
Во Рэннинге
Горячими
Пятами стал
Топтати.

ТОРБЬЁРН ХОРНКЛОВИ

ГЛЮМДРАПА

Кровью рыгали раны,
В грохоте и громе
Скёгуль — с кем сражался
Конунг в буре копий,
Пали те — свистели
Птицы лат, и славно
Добыл себе воитель
Бед среди победы.

КВЕЛЬДУЛЬВ СЫН ВЬЯЛЬВИ

ОТДЕЛЬНАЯ ВИСА

Знаю, норна сына
Мне в битве погубила.
Рёгнир мечегромца
В рать к себе кликнул рано.
Старость, словно Тору,
Силу мне сломила,
И вотще хощу я
Честь изведать мщенья.

ГРИМ ЛЫСЫЙ
СЫН КВЕЛЬДУЛЬВА

ОТДЕЛЬНЫЕ ВИСЫ

[1] Долбодрево в яви
Денег ради рано
Уборы брата моря
Будет дмити бурно.
Млат крушец не крошит
От накала алый,
Только волком воют
Ветер жрущи клети.

[2] У секиры старой
Сталь щербата стала.
Был колун мой волком,
Стал коварной палкой.
Рад топор отправить
Ратный я обратно.
В даре княжьем ну́жды
Не было и нету.

ЭГИЛЬ
СЫН ГРИМА ЛЫСОГО

ВЫКУП ГОЛОВЫ

1 Приплыл я, полн
Распева волн
О перси скал,
И песнь пригнал.
Сник лед и снег.
Дар Трора влек
Весной мой струг
Чрез синий луг.

2 Славу воспою
Смелому в бою,
Песней напою
Англию твою.
В честь твою течет
Игга чистый мед.
Жадный слуха рот
Речи да вопьет.

3 Княже, склоняй
Слух и мне внимай.
Ведь гость я твой,
Властитель мой.
Твой грозный пыл
Врагов разил,
И Один зрил
Одры могил.

4 Был как прибой
Булатный бой,

И с круч мечей
Журчал ручей.
Гремел кругом
Кровавый гром,
Но твой шелом
Шел напролом.

5 Воины станом
Стали чеканным,
Сети из стали
Остры вязали.
Гневалось в пене
Поле тюленье,
Блистали раны,
Что стяги бранны.

6 Лес в ливне стрел
Железный рдел.
Эйрик с нивы жал
Славу пожал.

7 Скальд славить может
И слово сложит
Про беды вражьи,
Победы княжьи.
Железны враны
Врезались в раны,
Останки стали
В тарчах торчали.

8 Серп жатвы сеч
Сек вежи с плеч,
А ран рогач
Лил красный плач,

И стали рдяны
От стали льдяной
Доспехи в пьяной
Потехе бранной.

9 Копья́ кинжал
Клинки сражал.
Эйрик с нивы жал
Славу пожал.

10 Багровый дрот
Гнал князь в поход.
Грозу невзгод
Знал скотт в тот год.
И ворон в очи
Бил выти волчьей,
Шла Хель меж пашен
Орлиных брашен.

11 Летели враны
На тел курганы,
Кои попраны
Кольями раны.
Волк в рану впился,
И ал вал взвился,
Несытой пасти
Достало сласти.

12 Гьяльпин конь скакал,
Его глад пропал.
Эйрик скликал
Волков на свал.

13 Буй-дева снова
Длить бой готова.

Звенят подковы
Коня морского.
Жала из стали
Жадно ристали,
Со струн летели
Ястребы к цели.

14 Птиц колких сила
Покой пронзила.
Напряг лук жилу,
Ждет волк поживу.
Как навь ни бьется,
Князь не сдается.
В дугу лук гнется,
Стальной гул вьется.

15 Князь туг лук брал,
Пчел рой в бой гнал.
Эйрик скликал
Волков на свал.

16 Воспеть велите ль,
Как ваш воитель
Славит своими
Делами имя?
Нас добрым даром,
Студеным жаром,
Князь дарит славный,
Крепкодержавный.

17 Огни запястий
Он рвет на части.
Он кольца рубит,
Обручья губит,

Державной рукой
Жалуя свой
Народ боевой
Фроди мукой.

18 Страшен могучий,
Стержнем обручий
Вскинув высоко
Кованое око.
Правду я рек
Про Эйриков век,
Ведал ратный бег
Весь восточный брег.

19 Слух не глуши!
В славной тиши
Здесь хороши
Со дна души
Князю в угоду
Волненья меду,
Брагина влага,
Одина брага.

20 Соколу сеч
Справил я речь
На славный лад.
На лавках палат
Внимало ей
Немало мужей,
Правых судей
Песни моей.

УТРАТА СЫНОВЕЙ

[1] Грусть — велика:
Грузом воздушным
Безмен языка
С места не сдвинуть.
Трудно Хрофтову
Крадьбу добыть,
В укроме души
Она сокрыта.

[2] Горькое давит
Горой горе
И не дает
Ётунхейма
Древле добытый
Дивный дар
Поднять со дна
Думы темной.

[3] Раны выи
Имира грозно
Пред жилищем
Родича плещут.

[4] Весь мой корень
Вскоре сгинет.
Буря клонит
Клены бора.
Разве рад,
Кто прах родимый
Должен из дому
Долу несть?

5 Вспомяну
Про конец
Отца-матери.
Венцом словесным
Украшу
Прах родичей,
Открыв врата
В тыне зубовном.

6 Вал суровый,
Ограду рода,
В крепости деда
Прясло пробил.
Так и моя
Дырой зияет:
Место сына
Стало пусто.

7 Ран меня
Ограбила,
Други мои
Утрачены.
Разломало
Род мой море,
Мой забор
Разбит прибоем.

8 Когда б я ме́сти
Меч мог несть,
То Пивовар
Не сдобровал бы.
Если б достало
Сил, то спорил
Я бы бранно
С братом бури.

9 Мне ли биться
С убийцей сына,
Если видит
Всяк и всюду,
Что у старца
Сил не станет?
Ужели мне
Поможет немощь?

10 Многое пало
Морю в руки.
Горько сказывать
Гибель ближних.
Рода щит
Направил стóпы
В путь блаженный
От жизни сей.

11 Знаю сам:
В сыне своем
Я дурного
Зерна не сеял.
Рос бы и зрел он
Древом щитным
И был взят дланью
Владыки боя.

12 Слушался он
Слова отцова
Боле, чем
Чужих речей.
Мне в дому
Был подмогой,
В страдну пору
Опорой верной.

13 В поветери
Свивёр
Мне братня
Утрата.
Если бесится
Битва, то я
Озираюсь,
Не рад, что сир.

14 Кой муж был бы
Мне пособник
В драке против
Вражьей рати?
Став осторожен,
Сам на рожон
На железный
Уже не лезу.

15 Трудно сыскать
Во всем народе
Мужа, кому бы
Можно верить,
Ибо продаст
Предатель подлый
Братню персть
За перстень малый.

16 Видно дело
Бывает в деньгах
. . . . . .

17 Сыну замену,
Если сам
Не породишь,

Где ж найдешь?
Кто бы ни стал
На место брата,
Тот все едино
Не брат родимый.

18 Мне не любо
Бывать на людях,
Не мило даже
Их тихомирье.
Чадо наше
Ввысь умчалось,
В чертог воздушный
К душам родным.

19 Враг мой — владыка
Влаги пьяной,
Сей соложеной
Болотной жижи.
Клеть раздумья
Не вздымаю
И не в силах
Носить высоко,

20 С тех пор как жар
Хвори жадной
Сына свирепо
Со свету сжил.
Ведаю, правда,
Бежал весь век
Он, безупречный,
Речи хульной.

21 Правда, в обитель
Богов он был

Дланями взят
Друга людей.
Ясный, мною
Взращенный ясень,
Саженец нежный
Моей жены.

22 Жил я в ладах
С владыкой сечи,
Не знал заботы,
Забыл про беды.
Нарушил ныне
Нашу дружбу
Телег приятель,
Судья побед.

23 Рад я не чтить
Брата Вили,
Главу богов
Отвергнуть гордо,
Но Мимира друг
Дал дар мне дивный,
Все несчастья
Возмещая.

24 Сей боевой
Ворог Волку
Дал мне речь
Безупречну
И взор ясный,
Чтоб явью вражьей
Легко бы стали
Ковы лукавых.

25 Тошно стало!
Стоит на мысу
В обличье страшном
Волчья сестра.
Все же без жалоб
Буду ждать
По всей охоте
Хель прихода.

ПЕСНЬ ОБ АРИНБЬЁРНЕ

1 Скор я петь
Славу князю,
Но скупцу
Скуден словом.
Я владык
Дело славлю,
Лжемолву
Ненавижу.

2 Глума вал
На бахвалов!
Другам — мед
Мерной речи.
Был хорош
Во хоромах
Мой дар песни
Государям.

3 Гнев явил
Мне отпрыск Фрейра,
Господин
И владыка.
Я пошел

В шапке храброй
Избыть беду
К Аринбьёрну.

4 Страх страну
Там стреножил.
Крут бывал
Конунг в Йорке,
Он царил
Нравом гордым,
Попирая
Сыру землю.

5 Из ресниц
Сиял месяц,
Сеял страх
Грозный Эйрик,
Луны лба,
Словно луки,
Лили в нас
Луч колючий.

6 Я посмел
Капать медом
В уста ушей —
Той же платой,
Что платила
Дева Тунду,
Спавшу с ней
Сном змеиным.

7 Люди мнили,
Мне за песнь
Конунг дал

Дар неказист —
Старый шар,
Крытый шапкой
Из седой
Одежи волка.

8 Я сей дар
Принял, а с ним
Чету дыр
Чернобровых
И уста
Те, что стали
Выкупом
Моей главы.

9 Взял язык
С зубным забором
Да шатры
С трубным слухом,
Но княж дар
Драже злата —
Кряж мой крепкий
Под шишаком.

10 Стал мне там
Щитом друг мой,
Вечный мой
Советчик верный.
Он один
Был надеждой
Во чужом
Княжом доме.

11 Аринбьёрн
Был победной

При дворе
Речью правды,
От меня
Злобу княжью
Он отвел,
Верный другу.

13 . . . . . .

13 Стал бы я
Татем дружбы,
Обнесен
Брагой Игга,
Когда бы я
Благодеянью
Не воздал
Даром Хрофта.

14 Трудно хвалебным
Словом вверх
Лезть к тому,
Кто знатен родом.
Да узрят
Здесь все люди
Вою честь
Сами очами.

15 Доски славы
Сыну Торира
Обстругает
Острый голос,
Ибо три
Уже трутся
О топор
Мой напева.

16 Дивен всем
Государям
И простым
Тот, кто Арин.
Ибо щедр
Он бессчетно,
Бьется он
Купно с Бьёрном.

17 Диву все
Здесь даются,
Как он сам
Дары сыплет,
Фрейр нанес
Купно с Ньёрдом
Холм добра
Камень-Бьёрну.

18 Хроальд дал
Внуку долю
. . . . . .
Просторным дном
Братины бури.

19 . . . . . .
И богам
Всех угодней
Средь людей
Друг Веторма.

20 Он щедрей
Прочих тчивых.
Дверь от двери
Тороватых

Далеко, и
Древков на копья
Всем бойцам
Не напасешься.

21 Никто не шел
От Аринбьёрна,
Одарен
Поносной бранью,
Ниже нес
На смех ношу
Пустоты
На дротах тела.

22 Он злодей,
Убийца денег,
Враг сынам
Драупнира,
Супротивник
Детям татей
И казнит
Змей из злата.

23 Он провел
Век свой в ратях,
Мил ему
Час немирный
. . . . . .

24 Злато благ
Влаге чаек,
Где конь Рёккви
Гривой реет,
Был бы срам

Ему бросить,
Аки в пасть
Пустожорну.

25 Я с утра
Раба речи
Засадил
За словоделье,
Хвальный холм
Я возвел
На дворе
Красноречья.

ДРАПА ОБ АДАЛЬСТЕЙНЕ

Се смял силой ратной
Смел потомок Эллы
Трех князей, а земли
Взял перстами стали.
Пламени поломщик
Лютый волн исполнен
Блага рода славна,
Лев деяний ярый.

Стал под Адальстейна
С лета путь олений.

ОТДЕЛЬНЫЕ ВИСЫ

1 Молвила мне матерь:
Мне корабль-де купят —
Весла красны вольны —
С викингами выехать.
Будет стать мне, смелу,

Мило у кормила
И врагов негодных
Повергать поганых.

2 В рог врезаю руны,
Кровью здесь присловье
Крашу и под крышей
Красных брагодательниц
Пьяной пены волны
Пью из зуба зубра.
Бедно, Бард, обносишь
Брагой наше брашно!

3 Лей мне пива! Эльвир
Бледен ибо с пива.
Дождь из дрота зубра
Дрожью в рот мне льется.
Ты, железна ливня
Клен, стоишь преклонно.
Ныне хлещет ливень
Влаги Хрофта сладкий.

4 Что ж мою скамью ты
Занимаешь, юноша?
Ты давал ли волку
Свежи яства трупны?
Видел, как из воев
Враны пили брагу?
Был ли ты в прибое
Блеска резких лезвий?

5 Я с оралом ратным
Странствовал. На раны
Ворон вихрем несся.

Викинги ярились.
Мы огонь по городу
Гневно разогнали,
У ворот и вала
Вороги валились.

6 Борзо мы у брега
Бились и рубились.
Долго с нами дрался
Доблий Эйвинд в Донях,
Пока он не покинул
Боков коня морского,
В воду — скок и вывел
Воев вон из боя.

7 Пал копьястый ясень,
Яр губитель ярла.
Рано понагрянул
Ратный гром на брата.
Он под луг зеленый
Лег в долине Ви́ны.
Должно скорбь сокрыть мне,
Сколь то ни прискорбно.

8 Трупами я тропы
Крыл под стягов крылья,
Был синь-гадом Адгильс
В глотку мною проткнут.
Млад напал на англа
Алейв в громе стали,
Хринг рубился храбро,
Вра́нье вече жрало.

9 Скальду не тоска ли
Скалы лба сковала?

Я сыскал, кто скалы
Скинул с лика ныне.
Князь сравнял кручины
Кручи мне обручьем,
Глаз мой глянул с лаской,
Горя нет во взоре.

10 Сив насеста сокола
Села вдаль от скальда.
Луны лба молил я
Бросить из-под брови.
Ныне ж скальд тоскует
И от скорби вскоре
Мыс промеждубровный
Молча сунет в шубу.

11 Шип шипов, шипит он,
Шипом весь пропитан,
Ран-де браги рога
Рабьего-де рода.
Энунд, норну ниток
Нашу не хули так!
Не рабска кровь, ей — право,
А род ей правый слава.

12 Да изгонят гада
На годы строги боги,
У меня отнявша
Нудой ношу судна!
Грозный вы на гнусного
Гнев на святотатца
Рушьте, Трор и края ас,
Фрейр и Ньёрд, скорее!

13 Гонит меня ныне
Князь, поправший право,
Братобойцу буйством
Блазнит баба злая.
Верит он наветам,
Ветру речи вредной.
Смолоду умел я
Месть вершить по чести.

14 Блеска семги степи
Стал мне ясень татем.
Я сносил со скорбным
Сердцем те потери.
Ныне в буре брани
Берг-Энунда свергнул
И подругу Хрофта
Окрасил кровью Фроди.

15 Шелома холм
Свой охотно,
Пусть и плох,
Примет скальд.
Кого ж дарил
Еще щедрей
Княжий сын,
Нежли меня?

16 Повар брашна вранов
Брови в дар мне бросил.
Мне помог премного
Мудрый зять мой взять их.
Владыке ратной гадюки
Дело не приспело:
Стала престолом вольным
Снова шлема основа.

17 Жал меня жестоко
Жаждатель державы.
Кукушка не кукует,
Коли клекчет сокол.
Буй-Арин был мне верен,
Бьёрн не рушил дружбы,
Снова в пору споров
Спорой быв опорой.

18 Стукну стылой сталью
Тут же по щиту я
И окрашу красный
Круг багровой кровью.
Станет Льоту лихо,
Льоту нету льготы.
Пусть орел запустит
В падаль колки когти!

19 Старцу мне от сына
Сталось проку мало,
Я был обманут Бальдром
Барса жижи вживе.
Мог бы и помедлить
Малый мой с обманом,
Пусть бы скальд отправился
К предкам нашим прежде.

20 Старостью стреножен,
Стал я клятой клячей,
Уст сверло устало,
Слух не йдет в ухо.

21 Сюн заплат, не сетуй,
Что скальд — слепец у печи,

Ведь при слабом свете
Вежд не светят звезды.
Точил я красны речи
У конунга в покоях,
А князь меня украсил
Речью крепкой волотов.

22 Сколь же постыло
Старцу время.
Мне от конунга
Нет заступы.
Обе пяты
Объяты хладом,
Спят, что вдовы
Долгой ночью.

ЭЙВИНД ПОГУБИТЕЛЬ СКАЛЬДОВ

РЕЧИ ХАКОНА

1 Гёндуль и Скёгуль
Послал Гаутатюр
Избрать из рода
Ингви конунга,
Чтобы оного
Увлечь в Вальгаллу.

2 Бьёрнова брата нашли
В бранном они убранстве,
Кой был конунг

И стал под стягом.
Торчали мечи,
Трещали копья,
Началась буря морского боя.

3 Кликал халейгов,
Кликал хольмрюгов
Яростный ясень битвы,
Губитель ярлов.
Шел под шлемом медным
Щедрый шест сраженья
Со дружиной доброй
Грозою на данов.

4 Броню бранную
Брякнул оземь
Вождь полнощных воев
Пред битвой велией.
Взбодрял отряды
Король сей радостно,
Злат шелом его
Сиял преславно.

5 В одежды Одина
Рука владыки,
Как по воде, ударила
Добрым булатом.
От дротов шел грохот
И гром от тарчей,
Мечи о кольчуги
Звонко стучали.

6 Ногами копий грозных
Гордо попирали

Воины норвежские
Вражеские головы.
Драка была страшная.
Красили конунги
Щиты блестящие
Во цвета кровавые.

7 Ран огни горели
В волнах крови,
Бердыши вершили
Жизнь и смерть шибко.
Мыло море ран
Мыс булатный,
Стрел поток струился
На острове Сторде.

8 Струилась кровью
Гроза Скёгуль
Под синью туч
Щитов и тарчей.
Гуд был гулок
Непогоды Одина,
Измокли многие
Мужи в струях стали.

9 Сидели с обнаженными
Мечами владыки,
Щиты изрезаны,
Латы изрублены.
Плохо было сему полку,
И путь его
Вел в Вальгаллу.

10 Повела речь Гёндуль,
Копьем подпираясь:

«Взрастает рать оружная!
Хакона храброго
С дружиной хороброй
Зовут к себе боги».

11 Владыка услышал
Слово валькирий
И скок их конский.
Были буй-девы
Одеты в латы,
А в руках были копья.

12 Хакон рек:
«Что ты так гадаешь
О битве, Бердыш-Скёгуль?
Иль мы победы были недостойны?»
Скёгуль рекла:
«По воле нашей
Властвовал ты в бое,
Растоптал супостатов».

13 «Теперь поскачем, —
Сказала Скёгуль, —
В жилье богов зеленое,
Одину молвим,
Что к нему владыка
Придет на свиданье».

14 «Хермод и Браги! —
Рек Хрофтатюр, —
Встречайте с почетом
Витязя грозного,
В горние хоромы
Сюда грядуща!»

15 А конунг молвил,
Сей кряж сраженья,
Забрызганный кровью:
«Сдается, не в духе
Богов владыка,
Суров и грозен».

16 «Мир тебе здесь будет,
Забудутся битвы.
Испей с богами пива!
Тебя здесь встретят
Восемь братьев», —
Рек ему Браги.

17 «Оружия нашего, —
Рек богатырь, —
И тут не оставим.
Добро, коли латы
И меч и шелом
Есть у конунга под рукой».

18 Тут и стало ясно,
Сколь богатырь сей
Почитал святыни,
Когда ему все боги
Доброго здравия
В палатах пожелали.

19 В добрую пору
Сей князь родился,
Коли столько снискал
Милостей, и будет
Ему вовеки
Великая Слава.

20 Скорее выскочит
Фенрир Волк
Злобный из логова,
Нежели приидет
Князь столь же славный
На пустой престол.

21 Гибнут родичи,
Добро идет прахом,
И страна пустынею стала.
Со язычески боги Хакон
Сгинул, и с той поры премного
Страждет народ.

ОТДЕЛЬНЫЕ ВИСЫ

1 Мы посев косили
С поля Фюри вольно
Весь-то век Хаконов.
Враг достойных воев
Скрыл мучицу Фроди,
Труд рабынищ, ныне
Во утробу, родшую
Ворога всех волотов.

2 Заря надбровий Фуллы
Гораздо сияла ярко
У скальдов на откосах
Сокольих век Хаконов.
К той, что стала матерью
Сыну, исполинов
Врагу, огонь пучины
Грузно лег под гузно.

КОРМАК СЫН ЭГМУНДА

ОТДЕЛЬНЫЕ ВИСЫ

1 Дивно мной недавно
К деве овладела
Страсть, зане дарила
Руку свою дружески.
Мне мониста Нанны
От ног бед будет много.
Ведь о ней я знаю
Ноне столь немного.

2 Мне ланит обеих
Огни горели в щели
Сквозь стену поварни.
Видел я завидны
Нанны нег лебяжьи
Ноги на пороге.
И любовь к лебедке
Будет век мне светлой.

3 Орлий ниц с ресницы
На-дол месяц падал,
Свис с небес надбровных
Благодатной дани.
Но под веком звезды
Взрачной Фуллы браги
Дали о недоле
Долгой весть нам вместе.

4 Херкья молний моря
Молвила днесь колко

Дивной деве въяве:
Дескать, я с изъяном.
Та в ответ ей вот что:
Вьется вольно волос.
Знать медовых мне-то
Нанн таких бы надо.

5 Дам за око дивно
Одра Нанны драга,
Браги Саги свежей,
Сотни три искристых.
А за волос выложу
Светлой Фрейи вена,
Сив фаты красивой,
Сот я пять с охотой.

6 Я за ель исландску,
Ясну и прекрасну,
Дам все земли данов,
Даже те, что дальше.
Эйр стрел терний кожи
Стоит с рощей с тою
Боле долов бриттских,
Биль златообилья.

7 Горе! Огня моря
Гунн ушла. В палате
Кто бы то заметил?
Только мне и тошно.
Лучи ресниц мечу я
— *Хочу я Фрейю гребня* —
В Наль монист, минувшую
Нас сейчас, — *сыскати.*

[8] Легче плыть каменьям
Словно зерна в вóлнах
И горам и странам
Грузно в море рухнуть,
Чем со Стейнгерд строгой
Статьями сверстаться,
С тою, чьим красотам
Стал постыл я милым.

ТЬЁРВИ НАСМЕШНИК

ОТДЕЛЬНАЯ ВИСА

Торира на стенке
Так с Астрид начертал я,
Что ему — насмешка,
А Мист мониста — слава.
И в сиянье ясном
Я на рукояти
Красный образ врезал
Ринд братины винной.

ГИСЛИ СЫН КИСЛОГО

ОТДЕЛЬНЫЕ ВИСЫ

1 Ныне мне приснилось:
Надо мною Наума
Льна струила слезы,
Хлин рубахи длинной
Повила враз резво,
Ран фаты, мне раны,
Что сей сон вещает,
Сам не вем, невежда.

2 Сьёвн се́рег, мы расстались,
И слух мне вниде в ухо,
— Порчу пиво карлов —
Попал в хоро́мы крови.
Клен гласа стали слышал
Схватку двух полю́хов.
Стрел роса осыплет
Сурта суйма стали.

ЛЕЙКНИР БЕРСЕРК

ОТДЕЛЬНАЯ ВИСА

Сив солнца ясна пояса
Сигга кику вскинет,
Гна огня мест сокола
Горд убор надела.
Солнца браги рога

Речь теплом согрета,
Но под тою ста́тью
Тайна чрезвычайна.

ЭЙНАР ЗВОН ВЕСОВ

НЕДОСТАТОК ЗОЛОТА

1 *Сами асы снова —*
Смелый князь умело
Красный круг сраженья
Крепит — *стали прежни.*
Земли зрим — как ране
Зелены́ и ныне.
Ярл, как встарь, святыни
Не тайно почитает.

2 Ньёрд сраженья жирну
Жертву дал, гадая,
Другу дротов было
Девы-буй виденье.
Зрил хозяин боя
Зельных вранов бранных.
Нес погибель гаутам
Грома Тюр погромный.

3 Ярл своих вел воев
Вечем звонким сечи,
Шел под круглым кровом
Красным к гаутам ратно.
Вглубь от моря к своям

Воин вторгся с боем,
Гаутов повергая
В гроб булатом грозным.

СТЕЙНУНН

ОТДЕЛЬНЫЕ ВИСЫ

[1] Тор на торге чаек
Тура волн пристукнул.
Боги погубили
Барса бани Гюльви.
Знойно пустозвону
В зыбях стало рыбьих.
Знать, хранит Христос-то
Худо струй посуду.

[2] Трудно струг Тангбрандов
Тор нес по просторам,
Дондеже ударил
Древо волн о бреги.
Утратила управу
Враз доска морская,
Ее нещадно щеплет
Пучина, как лучину.

ТОРЛЕЙВ ЯРЛОВ СКАЛЬД

ЯРЛОВ НИД

Стала мгла к востоку,
Снег и град к закату.
От добра разграблена
Реет дым на бреги.

ХАЛЛЬФРЕД ТРУДНЫЙ СКАЛЬД

ДРАПА О ХАКОНЕ ЯРЛЕ

1 Стойко ясень Санна
Стал, в бою блистая,
Лесом листьевласым
Льдин, опасных панцирям.

2 Стал речами стали
Суттунг храбрый судна
Другпню хвойновласу
Вавудову сватать.

ДРАПА ОБ ОЛАВЕ СЫНЕ ТРЮГГВИ

Хёрдов друг на диво
Дюж был и лишь дюжину
Лет имел, как смело
Мара зыби вывел

С Руси с разным грузом,
С бранным звоном ратным
Шлемов и шильев броней
Шел из Края Градов.

ПОМИНАЛЬНАЯ ДРАПА ОБ ОЛАВЕ СЫНЕ ТРЮГГВИ

Речем же о кончине!
Час пришел печальный.
Мертв — как мне то молвить? —
Мощный вождь полнощный.
Многим в зло из блага
Людям смерть та стала.
Смутен мир от скорби
По сыне Трюггви ныне.

ОТДЕЛЬНЫЕ ВИСЫ

[1] Глазом грозным водит
Гневно, яко древле,
Кроволиз сей лютый,
Лжеслужитель жертвы,
Скальд сказал — зубастый —
Слово — пес дворовый,
Но гостям-то старый
Страшен разве нашим?

[2] Род мой Хрофта висой
Рьяной славил складно.
Помню: пели — чтили
Помощь бога много.
Верно, нужно б век мой
Ненавидеть Видрира:

Не слуга Сидскегга —
Стал ведь раб Христа я.

3 Меченосец смелый
Меч, как дар, мне мечет,
Но зачем мечисто
Докучать мечами?
Мню, что мечемножить
Меч мне надо на три,
Ныне ж обезножен
Нож меча без ножен.

4 *Смрадной пот от Гриса*
Покрыл на коже ложа
— Душно ей, чуть дышет —
Льдины рук осину.
Рак перины клонит
Рядом с жарким смрадом,
Что в заливе лебедь,
Льном повиту выю.

5 Чайкою качаясь,
Чибис вони чивой
Прет дорогой влаги,
Прежде влезет, нежели
Сей серпов тупитель
Подлый, дабы подле
Хлин колец на ложе
Лечь гнилым поленом.

6 Мню, как дивна Нанна
Низей в сени внидет,
Что меж двух отоков
То плывет лебедка,
А средь сосен скамей

Сага блеска влаги
Течет, что золоченый
Щур путин пучины.

НЕИЗВЕСТНЫЙ АВТОР

Луг Ран гнало к небу
Ночью в пѐне мощно,
Шек бил тучи в щепы,
Мчал к луне причалить.

НИД ИСЛАНДЦЕВ О ХАРАЛЬДЕ СИНЕЗУБОМ

Харальд сел на судно,
Став конем хвостатым.
Ворог ярый вендов
Воском там истаял.
А под ним был Биргир
В обличье кобылицы.
Свидели воистину
Вои таковое.

ТОРХАЛЛЬ ОХОТНИК

ОТДЕЛЬНЫЕ ВИСЫ

[1] Мне железны клены
Сулили винный ливень,
Правды ради надо
Край мне сей похаять.
Хмель ведром там станет
Тюр мечей-де черпать,
Где там! Хоть воды бы
Студеной ежедневно.

[2] В путь попятный водным
Плыти нам по глыбам,
Где нас ждут. Пусть кнур наш
Дома Гюльви долго
Бродит, а — *в тех странах* —
Кряжи мечесечи
— *Хвальных* — пусть-ка варят
Вволю там кита-то!

ГУННЛАУГ ЗМЕИНЫЙ ЯЗЫК

ДРАПА ОБ АДАЛЬРАДЕ

Англов князь, что ангел,
Яснится всем в яви.
Рады биться роды
В рати Адальрада.

ДРАПА О СИГТРЮГГЕ ШЕЛКОВАЯ БОРОДА

Песнь могу сложить,
Словом услужить.
Славим мной един
Кваранов сын.
Государев дар —
Чад воды пожар.
Жалует певца
Жаром кольца.

Слышал ли ты, князь,
Слов искусней вязь
Среди палат?
То драпы лад.

ОТДЕЛЬНЫЕ ВИСЫ

1 Давал я денег вдоволь
Дома владыке худому.
Бери скорее виру,
Режь змею серебряну!
Иль кошель лишится
— Шибкая ошибка! —
Пламени из племени
Плеска вод и блеска.

2 Средь слуг есть муж,
Мурин к тому ж.
Злыдню не верь!
Зол он как зверь.

3 Не строй, лукавец, ковы!
Клад беречь неладно.

Жду, как дани, денег,
Долг твой звонкий долго.
Меч крутой по кругу
Кровью окрашу вашей.
Измлада Змееустом
Зря ли меня звали?

4 Молвите славы слово
Вы, дубы боевые!
Видывал-де волны
Властный ярл седовласый.
Синь Свидрнра ясень
Сам вздымал немало.
Мерял Эйрик море
Мачты волком вольным.

5 Мне ведь мало дела,
Мощный ли с полнощи
Гонит лыжу лужи
Льдяный ветр по свету.
Страшен мне, что старость,
Слух, идущий в ухо,
Будто в громе брани
Храфну я не равен.

6 Кто в разгуле стали
Трусит злого слова,
Свадьбу тот не сварит
С Вар пригожей ложа.
Ласкал я в млады годы
Клинья пламня дланей.
Нанну льна посулом
Мне тогда ведь дали.

7 Полог стал просторов
Пуст для Змееуста,
Коли Хельгу холит
Храфн, воитель славный.
Сродник сивый девы
Сладил свадьбу златом,
И язык мой змеев,
Знать, премало значил.

8 Гефн вина, виновны
Премного предо мною
Родичи — *В кровати* —
Кровные — *под кровом*
Ими на лихо люба
Слеплена столь лепо.
Тролли бы побрали
Разом их старанья!

9 Дали в жены дивну
Девицу за деньги
Храбру, мне-де равну,
Храфну достославну.
Мне к дому в буре бранной
Был Адальрад преградой.
Оттого-то воин
Слова́ едва и вяжет.

10 Дай мне бог удачи!
Длань мечу вручу я,
Ложе льна лба Хельги
Расколю колючим.
Встретиться на острове
Скальду сладко с лакомкой.
Туло светлой сталью
Славно обезглавлю.

11 Родилась Биль избытка
Битвы храбрых ради.
Гунн жемчуга в жены
Жаждал взять я жадно.
От очей мне черных
Счастья сталось мало:
Не видать им девы —
Дива лебедина!

12 Со мною в громе дротов
Храфн сражался храбро,
Всегда и здесь на мысе
Доблестно и долго.
Шла вокруг Гуннлауга
Хладна сеча латна,
О видок, и длилась
Днесь на Динганесе.

13 Храфн — меня, я Храфну
Ранил ногу в брани
Звонкой сельдью боя.
Влагой раны враны
Лакомились ладно.
Лом шелома тяжкий
Расколол Гуннлаугу
Ложе проса кожи.

ХРАФН СЫН ЭНУНДА

ОТДЕЛЬНЫЕ ВИСЫ

1 Мнилось мне, что одр наш
Мокр в росе от сечи,
Ведь от крови Храфна
Кровать твоя кровава.
Разве Ньёрун браги
Раны лечит бранны?
Видно липе лука
Любы муки мужа.

2 Нам с тобой, Улль стали,
Стать та не пристала —
Драться девы ради,
Дружбу нашу рушить.
Милых жен немало
Можно взять в заморье.
Велемудрый витязь
С волком волн отбудет.

3 Чья победа будет
В битве, скальд не скажет.
Кости, словно класы,
Скосит серп на сече.
Вдовая и дева
Дело двоих смелых,
Сколь прияли стали,
Сведает от веча.

4 Был ал мой меч, но мету
Мне нанес мой недруг.
Змеи тарчей зá морем
Зельно били в цели.

Ран гусенок красный
Брел по долу крови,
Кружил кровожадный
Коршун кровожорный.

ТОРМОД СЫН ТРЕВИЛЯ

РЕЧИ ВОРОНА

Пал в поле брани
Певень, чей гребень
Высился веско:
Вигфусом звали.
Рвали там рьяно
Крови ворóны
Кости и кожу
Вскормыша Бьёрна.

ТОРБЬЁРН СЫН БРУНИ

ОТДЕЛЬНАЯ ВИСА

Как умру, без мужа
Мардёлль меда маяться
И скорбеть не будет,
Коль буду во гробу я.
Яблок дщери Локи

Дала отведать ладу
— Что делать Модгуд мисы
Мерзкой? — *ива пива.*

БЬЁРН БОГАТЫРЬ С ХИТ-РЕКИ

СЕРОЕ БРЮХО

1 Рысь звона серег
Вышла на берег,
А там к ней сом,
Да сам с усом.
Съела старуха
Серое брюхо.
Вдоволь в волнах
Дряни в морях.

2 По грудь шла с грузом,
Нагнувшись, с пузом.
Утробу баба
Трясла, как жаба.
А в брюхе боли
Были все боле.

3 Рожден малёц,
Не ждан подлец!
Молвила мужу:
Многих не хуже!
Как пес, зубаст,

Да спать горазд,
Храбр, что коза,
Кривы глаза.

ТОРД СЫН КОЛЬБЕЙНА

ДРАПА О ГУННЛАУГЕ ЗМЕИНЫЙ ЯЗЫК

Рушил Олава в брани
Раньше, нежели Храфна,
Гуннлауг — и Грима тоже —
Громом стали грозным.
Так, покрытый кровью
Кряж мечей моряны
Трех бесстрашно-храбрых
Предал сестре Змея.

ОТДЕЛЬНАЯ ВИСА

Вьетесь, черны вóроны,
Вы куда же в дали?
Видно, выти ищете
Во песках и скалах.
Бьёрн лежит там. Жадно
Жрут жеравы трупны
В Хитном доле долго.
Дуб шелома сломан.

СИГХВАТ СЫН ТОРДА

ВИСЫ О БИТВЕ У НЕСЬЯРА

1 Свейна воев многих
Вождь пригнал к причалу.
Мчалась красной речкой
Кровь на пашню Роди.
Вои Свейна — Смелый
Силой гнал в могилу —
Все суда связали,
— Встречу задал сечу.

2 Круша те крыши красны,
Дрался Свейн не срамно.
Был люб стрел ливень лютый
Славному Олáву.
Равно дроворубы
Рады были драться.
Храбрость била робость,
Равны были рати.

ВИСЫ О ПОЕЗДКЕ НА ВОСТОК

1 Скачучи по кочкам,
Конь зело голодный
Путь копытом роет.
Полдня меня несет он
— День спознался с ночью —
Нынче вдаль от данов.
Снова бух в канаву
Ноги вороного.

2 Слушать, как мы скачем,
Станут любы статны,
И чрез двор Рёгнвальда
Валом пыльным валим.
Подстегни коня ты!
Надо, чтоб жена-та
Скок узрила конский
Оком издалека.

ДРАПА О КНУТЕ

Вождю храбру
В поход охота.
Князь был бос,
Нес он посох.
Путь он пеший
Правил славно,
Дружески встречен
Во граде Петра.

ПОМИНАЛЬНАЯ ДРАПА ОБ ОЛАВЕ СВЯТОМ

1 Змей мчал сына Трюггви,
Молодца, по вóлнам,
Пасть разинув злую,
Златом пообжату.
Олав взлез на Зубра,
Знатна волка водна.
Зверя мыло море
Мощный рог в дороге.

2 Диво людям дивное
Здесь в сей день явилось.

Солнце с небом синим
Сразу скрылось в мраке.
День поблек нежданно,
Недолго, но недобрый:
Из норвежской вести
Внял я смерти князя.

ОТДЕЛЬНЫЕ ВИСЫ

1 Зрю: здесь дым вздымают
Избы рыбогрызов.
Скальд в пещере скальной
В сетях на рассвете.
Ныне мне укора
Нет, слаб-де что баба,
Как познал на зорьке
Злата Бестлу белую.

2 Те, кто сами славны
Сладкой влагой Даина,
Промашек в строках Сигхвата
Сыскать никак не смогут.
Ясень вьюги ратной
Явно оным равен.
Кто Сигхвата судит,
Сам и примет сраму.

ТОРМОД
СКАЛЬД ЧЕРНЫХ БРОВЕЙ

ОТДЕЛЬНАЯ ВИСА

Бледен я-де ликом —
Платья иве в диво.
Кровью красной рдея,
Раны нас не красят.
Стрел пурга тугая
Губит многих, люба.
Вострый вихрь вонзился,
Верно, прямо в сердце.

ОТТАР ЧЕРНЫЙ

ДРАПА
ОБ ОЛАВЕ ШВЕДСКОМ

Вал завыл, сломал
Весь навес древес,
Нес в злосчастный час
Челн, нещадно мча.

ЭЙНДРИДИ СЫН ЭЙНАРА

ОТДЕЛЬНАЯ ВИСА

Верно я — *а ворог* —
Лишь видел плоть девичью,
— *Врать горазд* — устами
Тронул губы любы.
Коли, было, Бальдр
Боя скажет боле,
Лжет он, пес преподлый,
Пусть не брешет впусте!

ЁКУЛЬ СЫН БАРДА

ОТДЕЛЬНАЯ ВИСА

Жаркая жжет язва,
— Жил и не тужил я —
Быстрой бьет струею,
Брызжет рана красной.
Хлещет ввысь кровища.
Вытерпит муж муку.
Князь честной отмщает
Мне великим гневом.

СКАЛЬД РЭВ

ВИСЫ
О ПОЕЗДКЕ ПО МОРЮ

1 Зверь меж волн с ветрилом
Волен в пенном поле.
Будто видно берег.
Брызжет чертог китовый.

2 Волгла вёльва Гюмира
Вод медведя водит
В землю зева Эгира,
В зыби хладны рыбьи.

3 Но синью гор носимый
Рысак сей парусатый
Красну грудь выносит
У Ран из пасти страшной.

4 Добр конь дров кормы дом
— Дрожь идет по дрогам —
Режет грудью грозной,
В чреве волн исполнен.

5 Страшен гром гор моря
В гуся стрелы Гуси.
Волк досок несется
Стежкой хладной Гламми.

ТОРАРИН СЛАВОСЛОВ

ТЁГДРАПА

Слово славно
Скальд здесь скажет —
Древу града
Ратна драпу.

ТОРД СЫН СЬЯРЕКА

ОТДЕЛЬНАЯ ВИСА

Гудрун из мести
Гор деве вместе
Хар был умелый
Хамдир был смелый
Сынов убила.
С Ньёрдом не мило.
Конесмиритель.
Копьегубитель.

АРНОР СЫН ТОРДА СКАЛЬД ЯРЛОВ

ХРЮНХЕНДА

Слушай, Магнус, песню славну.
Слова я не вем иного.
Я твою, владыка даков,
Доблесть славлю речью доброй.
Ты затмишь, о богатырь наш,
Тех и сих князей успехи.
Будет жив твой ратный, бранный
Труд, доколь не рухнет небо.

ХАРАЛЬД СУРОВЫЙ

ВИСЫ РАДОСТИ

[1] Трёндов было втрое
В брапном поле боле,
Но мы в буре битвы
Били их, рубили.
Смерть владыка смелый,
Молод принял Олав.
Мне от Панны питок
Несть из Руси вести.

[2] Конь скакал дубовый
Килем круг Сикилии,

Рыжая и ражая
Рысь морская рыскала.
Разве слизень ратный
Рад туда пробраться?
Мне от Нанны ниток
Несть из Руси вести.

3 Есмь я восьмиведец:
Варец браги Вака,
Плаватель я славный,
Люб и скок мне конский
. . . . . .

4 Ведать будут, верно,
Вдовица и девица,
Что на град я ратным
Обрушился оружьем.
След от струй преострых
Стали там остался.
Мне от Нанны ниток
Несть из Руси вести.

5 Есмь норманских мужей
Млад потомок славный.
Ныне струг стремится
В страны мой арапски.
Шпеку в тын отока
Там погнал я па́-даль.
Мне от Нанны ниток
Несть из Руси вести.

ОТДЕЛЬНЫЕ ВИСЫ

[1] Копья княжьи в сече
Крепко дали данам
Стойким в тыл, и сталась
Та вражда недавно.
Было прежде: буйно
Я бился на чужбине.
Меч, сражая мощно
Мавров, пел мой вдавне.

[2] С суши в сини зыби
Я сам тогда подался,
В ширь втыкая шеки,
Шли суда недавно.
В пенном поле Гюмира
Плыл я карой к англам,
И ходила дыбом
Вода. То было вдавне.

[3] Идем строгим
Вперед строем
Без кольчуг,
С мечом синим.
Блещут шлемы,
А я — без шлема.
Лежит в ладьях
Вооруженье.

[4] Смело в лязг мы лезем
Льдин кровавой давки
Под щитами. Так ведь
Труд велела ленты.

Вдавне Наль мониста
Мне велела шлема
Взлобок взнесть высóко
В звоне грозном дротов.

ТОРГИЛЬС РЫБАК

ОТДЕЛЬНЫЕ ВИСЫ

[1] Лéса еле лезла,
Ловля длилась долго,
Сам я еле сладил
С лабарданом даве.
Прежде же я — помню —
Плавал не бесславно,
Копья в кровь макая
К вящей славе, вдавне.

[2] Слушай, светлый княже,
Слово скальда снова.
Обруч златолитый
Славный дан мне даве.
Сыт орел, а стрелы,
Что град, на рать арапску
Спускал со крепких луков
Князь-государь издавна.

[3] Ведомо, что — *вои* —
Ветхие ты Вендов

— *Трёндски были буйны* —
Бил суда недавно.
Цену сарацины
Цепу стали знали.
Пышный пир умел ты
Править навий вдавне.

ТЬОДОЛЬВ СЫН АРНОРА

ДРАПА
О ХАРАЛЬДЕ СУРОВОМ

1 Воевав без вена,
Вяз булата сватал
Грудь подруги Видрира,
А трус бежал прежалко.
Сразу брег с народом
Храбрый царь арапский —
Дочь предивну Онара
Дал добром и даром.

2 Ворог глада волчья
Выжег оба ока
Ставшу на престоле.
Стался бой немалый.
Дурны пробил дерзко
Дыры князь агдирский.
Храбр владыка греков
Не рад был сему сраму.

ОТДЕЛЬНАЯ ВИСА

Щедр плыл по пучине.
В чистом в громе дротов
Пали в поле даны.
Сталось то недавно.
Смелый алой метой
Махметов черных метил,
Стягом бранным стойко
Став. То было вдавне.

ХАЛЛИ ЧЕЛНОК

ОТДЕЛЬНЫЕ ВИСЫ

1 Мой отдам за мясо
Меч и, княже, даже
Лепый щит за ломтик
Хлеба. Взять их где бы?
Храбры люди в холе
Ходят пустопузы,
Туже стянут пояс
Тут, где страждет каждый.

2 Жирно жарен скальду
В жертву боров мертвый.
Ньёрд войны воззрился
Ныне на свинину.

Хряка вижу красно
Рыло. Сотворил я
Вису вам во славу,
Вождь вы мой и воев.

СИГУРД КРЕСТОНОСЕЦ

ОТДЕЛЬНАЯ ВИСА

Смирные мне смерды
В мирном поле милы.

ЭЙНАР СЫН СКУЛИ

ОТДЕЛЬНАЯ ВИСА

Гусельник-поганец
Сгреб мясцо в утробу.
Так в пяток скоромой
Тешил плоть он плотно.
Прыгал прут и гнулся,
Проучая часто,
А игрец тот грешный
В гузне чуял гусли.

РЁГНВАЛЬД КАЛИ

ОТДЕЛЬНЫЕ ВИСЫ

[1] Дел я знаю девять:
Добрый висописец,
Лих в игре тавлейной,
Лыжник я и книжник.
Лук, весло и славный
Склад мне рун подвластны.
Я искусен в ковке,
Как и в гуде гусель.

[2] *Греетесь* — а Аса
Мё-мё-мё промокла,
Зя-зя-зя озябла,
А где мне лечь? — *у печки.*

ГУДМУНД СЫН АСБЬЁРНА

ОТДЕЛЬНАЯ ВИСА

Ждет худое слово
Дармоеда снова.
Рыбью кость к обеду
Кинут короеду.
Разом прочь с восхода
Прогнали юрода
— Прими дерьма позора! —
За Мёдрудальски горы.

ТОРИР ЛЕДНИК

ОТДЕЛЬНАЯ ВИСА

Держись, лысун, за судно!
Час приспел твой судный.
Дух крепи надменный
Среди сей вьюги пенной.
Рта не коси ты вскую,
Сноси метель морскую.
Полно дев любити!
Двум смертям не быти.

ПРИЛОЖЕНИЯ

М. И. Стеблин-Каменский

СКАЛЬДИЧЕСКАЯ ПОЭЗИЯ

> Он [Óдин] владел искусством говорить так красиво и гладко, что всем, кто слушал, его слова казались правдой. Все в его речи было так же складно, как в том, что теперь называется искусством скальда.
>
> *Снорри Стурлусон*

СКАЛЬДИЧЕСКАЯ ПОЭЗИЯ КАК ТИП ТВОРЧЕСТВА

Скальдической поэзии очень не повезло. Как явствует из свидетельств тех, кто жил в эпоху ее расцвета, именно поэзия скальдическая (а не поэзия эддическая, существовавшая в ту же эпоху) была в их глазах настоящей поэзией. Между тем в глазах потомков поэзия эддическая совершенно заслонила поэзию скальдическую. Почему получилось так? Дело тут прежде всего вот в чем. Скальдическая поэзия настолько трудна для понимания, что издавна литература, посвященная ей, — это в основном просто толкования трудных текстов, т. е. попытки установить значение или синтаксическую роль тех или иных слов или выражений в тех или иных скальдических произведениях. Но в такого рода литературе скальдическая поэзия рассматривалась, естественно, только как тексты, подлежащие расшифровке, а не как поэзия.

Не лучше, однако, обстоит дело и в историях литературы. Отдавая дань уважения авторам ком-

пендиумов по средневековым и древним литературам, нельзя не признать, что, как правило, эти компендиумы не столько истории, сколько перечни, в которых соблюден хронологический порядок. В этих компендиумах обычно безраздельно господствует убеждение, что поэзия как тип творчества — нечто во все времена одинаковое и что, следовательно, при рассмотрении древней поэзии нет никакой необходимости отказываться от тех критериев, которые применяются к поэзии нашего или, более широко, нового времени. Так и в историях древнеисландской и древненорвежской литературы (т. е. литературы, к которой относятся скальды) хотя и сообщается все, что известно о скальдах и их произведениях, однако не делается никакой попытки определить место скальдической поэзии в процессе становления литературы и (а это, в сущности, то же самое) совершенно не ставится вопрос о том, что такое скальдическая поэзия как тип творчества. Другими словами, историческая неповторимость поэзии скальдов в этих историях, по сути дела, игнорируется.

Между тем если посмотреть на поэзию скальдов с точки зрения ее места в процессе становления литературы, то сущность этой поэзии сразу становится очевидна. Поэзия скальдов — начальный этап в развитии осознанного авторства в поэзии, тот этап, который А. Н. Веселовским был назван «переходом от певца к поэту».

Переход от певца к поэту, т. е. от неосознанного к осознанному авторству, как правило, недоступен наблюдению. Когда он происходит в нашу эпоху, на периферии письменной культуры, он, конечно, не повторяет пути, пройденного в свое время человечеством, точно так же как приобщение культурно оста-

лого общества к более передовой культуре не влечет за собой повторения всех этапов культурного развития. И в том и в другом случае происходит, так сказать, «короткое замыкание». Но не больший свет на то, каким образом происходит переход от певца к поэту, проливают и средневековые или древние литературы. Личная поэзия обычно попадает в поле зрения историка литературы только как создание письменной эпохи. Переход к осознанному авторству оказывается осуществленным либо в результате освоения более высокой культуры, т. е. опять-таки в результате «короткого замыкания», либо в дописьменную эпоху, т. е. вне поля зрения историка литературы.

Между тем в скальдической поэзии представлено то, что, как правило, недоступно наблюдению. Скальдическая поэзия — это поэзия хотя и личная, но дописьменная: древнейшие из дошедших до нас скальдических стихов были сочинены в первой половине IX в., т. е. примерно за четыре столетия до того, как они могли быть записаны.

Сущность того этапа в истории поэзии, о котором идет речь, заключается в том, что авторское самосознание еще не распространяется на произведение в целом. Оно распространяется только на форму произведения, но не на его содержание. Другими словами, осознанное авторство развивается в поэзии в результате того, что поэт осознает себя автором формы. Отсюда подчеркнутость формы, ее гипертрофия, самая характерная и основная черта поэзии скальдов. Гипертрофия формы — первый шаг на пути творческого освобождения поэта от связанности традицией, трамплин, благодаря которому совершается скачок огромной важности в истории человеческого сознания — скачок

из неосознанного авторства в осознанное. Но само собой разумеется, что скачок этот не мгновенный акт, а целая эпоха.

Скальдическая гипертрофия формы не имеет ничего общего с формалистическими исканиями поэтов нового времени. Для этих исканий характерно стремление максимально нарушить всякую традицию. Между тем скальдическое искусство было глубоко традиционным. На протяжении столетий в нем не происходило никаких или почти никаких изменений. Вместе с тем в противоположность формализму в поэзии нового времени скальдический формализм отнюдь не был выхолащиванием содержания. Напротив, сведение поэтической формы к чисто служебной функции шифра или кода для передачи любого содержания (а именно в этом заключалась сущность скальдической гипертрофии формы!) обеспечивало содержанию ведущее положение.

Скальдическая гипертрофия формы, относительная независимость поэтической формы от содержания, — черта глубоко архаическая. Она нечто совершенно чуждое современному сознанию. Несомненно, именно в этом одна из главных причин того, что эддическая поэзия, т. е. поэзия, гораздо более простая по форме, совершенно заслонила в глазах потомков поэзию скальдическую. Этому способствовало, по-видимому, и то, что, согласно представлению, которое издавна господствует в литературоведении, древнейшая личная поэзия должна была быть простой и безыскусной, а «искусственность», т. е. формальная изощренность, гипертрофия формы, — признак старчества литературы. Это представление побуждало, с одной стороны, толковать скальдическую поэзию как результат какого-то вырождения, а с другой — высказывать со-

мнения в ее исконности в Скандинавии и в подлинности древнейших скальдических стихов, сомнения, которые, однако, в результате исследований всегда оказывались необоснованными. Еще в эпоху романтизма был придуман образ древнейшего личного поэта — старца с седыми кудрями, который, бряцая на арфе, сочинял свои песни, исполненные простоты и лиризма. Такого старца всегда ожидают найти. На самом деле, однако, в сочинениях древнейших личных поэтов не было ни простоты, ни лиризма: в личной поэзии и то и другое, как оказывается, — достижения гораздо более позднего времени.

То, что в скальдической поэзии авторство распространялось лишь на форму, а не на содержание, явствует не только из формальной гипертрофии, характерной для этой поэзии, но также из, так сказать, пассивного отношения скальдов к содержанию их произведений. Содержание в скальдической поэзии, как правило, полностью предопределено фактами действительности. Художественный вымысел, т. е. вклад автора в содержание произведения, в скальдической поэзии отсутствует. Пассивное отношение к содержанию — черта, не менее чуждая сознанию современного человека, чем формальная гипертрофия. Для современного человека немыслима поэзия без какого-то вклада автора в содержание произведения. По-видимому, именно это явилось основной причиной того, что в историях древнеисландской литературы о скальдической поэзии нередко встречаются суждения вроде «поэзии в этих стихах нет» и т. п., а также того, что поэзия эддическая, т. е. поэзия, в которой был широко представлен художественный вымысел (хотя и неосознанный!), в глазах потомков совершенно заслонила скальдическую поэзию.

Что такое, однако, эддическая поэзия (т. е. мифологические и героические песни «Старшей Эдды» и аналогичные произведения) как тип творчества? Эддическое творчество явно не подразумевает какого-либо сознательного творческого вклада: содержанием эддических произведений были всегда мифологические или героические сказания, т. е. древняя традиция, воспроизвести которую и было назначением эддической поэзии, тогда как словесное выражение в ней тоже явно не было результатом стремления к новому или индивидуальному. Поэтому тот, кто сочинял эддическое произведение, должен был считать, что он только воспроизводит древнюю традицию, и не мог сознавать, что он его сочиняет. То, что о сочинении эддических произведений никогда не сохранялось никаких сведений в традиции, — очевидное следствие этого. Но такое неосознанное авторство должно было иметь своим результатом текучесть текста, его нефиксированность. Наличие вариантов эддических произведений, сохранившихся в разных записях, — неопровержимое доказательство того, что в устной традиции такая текучесть действительно имела место.

Отсутствие фиксированного текста должно было иметь своим последствием неотличимость исполнения произведения от его сочинения или, что в сущности то же самое, неотличимость произведения на определенный сюжет от самого этого сюжета. Тот, кто исполнял эддическое произведение, должен был считать себя только его исполнителем, а само произведение — только воспроизведением определенного сюжета, хотя фактически, в силу отсутствия фиксированного текста, каждое исполнение могло быть его пересочинением или сочинением заново, и, конечно, в силу этого в эддическом произведении мог быть широко пред-

ставлен художественный вымысел (но только неосознанный!). Хотя такое творчество исключало сознательное стремление к новому или индивидуальному, сознательное нарушение традиции, оно несомненно требовало большого мастерства — владения огромным традиционным материалом и умения его использовать, мастерства тем большего, чем оно было менее заметно самому мастеру.

С того момента как эддическое произведение было записано, оно превращалось в нечто радикально отличное от того, чем оно было раньше, или даже противоположное ему: оно превращалось в фиксированный текст. Исследователи эддических произведений имеют дело только с их записью, т. е. только с фиксированным текстом. У них поэтому неизбежно складывается (ошибочное!) представление: эти произведения якобы и раньше, в устной традиции, были фиксированными текстами и, следовательно, у этих произведений были якобы такие же авторы, какие обычно бывают у литературных произведений с фиксированным текстом, и можно поэтому установить если не имена этих авторов, то по меньшей мере когда были сочинены данные произведения. Отсюда бесчисленные попытки установить, когда были сочинены те или иные эддические произведения, попытки, поражающие как размахом, изобретательностью и количеством затраченного труда, так и абсолютной бесплодностью.

В противоположность эддическому творчеству скальдическое творчество всегда подразумевает сознательный творческий вклад (но не в содержании произведения, а только в его форме!). Естественно поэтому, что тот, кто сочинял скальдическое произведение, сознавал, что он его сочинитель. Сохранение

имени сочинителя в традиции — очевидное следствие этого. Но такое осознанное авторство (даже в бесписьменные времена!) неизбежно должно было иметь своим результатом также и фиксированность текста произведения, т. е. его точное воспроизведение, как при его устном исполнении, так и при его записи. Поэтому понятно, что в то время как в отношении эддических произведений текучесть их текста в устной традиции исключает какую-либо возможность проникнуть, так сказать, «за запись», в отношении скальдических произведений фиксированность их текста еще в устной традиции позволяет проникнуть «за запись» на целые столетия.

Осознание формального мастерства, т. е. осознание авторства, должно было, естественно, происходить в поэзии, а не в прозе, потому что в поэзии форма несравненно ощутимее, чем в прозе. Однако не все жанры поэзии одинаково благоприятны для осознания формального мастерства. Жанр, наиболее благоприятный для возникновения осознанного авторства, — конечно, хвалебная песнь. В хвалебной песни форма особенно ощутима. Содержание в хвалебной песни — имя прославляемого, его происхождение, имена врагов, с которыми он сражался, и т. д. — задается действительностью и поэтому не оставляет места для творчества. Между тем, хотя форма хвалебной песни очень традиционна, она все же каждый раз воссоздается заново. Необходимость бесконечно варьировать одну и ту же традиционную форму, импровизировать ее, делает ее ощутимой как нечто независимое от содержания. Отсюда осознание формального мастерства. Но отсюда же подчеркнутость формы, ее гипертрофия. Понятно поэтому, что хвалебная песнь — это исконный и основной жанр скальдиче-

ской поэзии (подробнее о нем см. в настоящем издании, с. 108—119).

Аналогичные условия для осознания формы как чего-то независимого от содержания, должны были существовать и в произведениях, целью которых было не обеспечить славу, но, наоборот, нанести вред, т. е. в хулительных, поносных, бранных стихах, так называемом «ниде» (об этом жанре подробнее см. с. 125). Хвалебная песнь и нид представляют собой как бы одну и ту же величину, но взятую с противоположным знаком. В обоих этих жанрах содержание задается не традицией, а фактами действительности, современными сочинению. Поэтому в обоих жанрах остается простор для импровизации в традиционных формах.

Однако хвалебная песнь и нид были как жанры еще и в другом отношении благоприятны для развития авторского самосознания. Ведь и хвалебная песнь, и нид — произведения, которые, как представляли себе, оказывают определенное действие. Но тем самым и автор такого произведения должен был осознавать себя производителем этого действия. А осознание себя производителем действия естественно должно было привести к осознанию себя автором произведения, которое оказывает это действие. Этимологические исследования делают вероятным, что первоначально слово «скальд» и значило «тот, кто сочиняет стихотворную хулу». В самом деле, у скальдического прославления то общее с нидом, что действие и того и другого обеспечивалось стихотворной формой самой по себе. Поэтому легко себе представить переключение с нанесения вреда посредством этой формы на обеспечение славой посредством нее же, или наоборот.

Как тип творчества скальдическая поэзия имеет, по-видимому, очень глубокие корни. В ряде руническихъ надписей, найденных в Скандинавии и относящихся к эпохе гораздо более древней, чем та, к которой относятся древнейшие сохранившиеся стихи скальдов, тот, кто вырезал надпись, говорит о себе как владеющем могущественным искусством: «я эриль [т. е. колдун, владеющий рунической магией (?)], хитрым называюсь» — гласит одна шведская надпись VI в.; «коварным называюсь, вороном называюсь, я эриль, вырезаю руны» — сообщает другая шведская надпись VI в.; «я жрец, неуязвимый для колдовства» — говорится в одной норвежской надписи V в.; «Хариухой называюсь, опасное знающий, даю счастье» — так гласит одна датская надпись V в. Из такого рода надписей видно, что тот, кто вырезал надпись, осознавал свое искусство как владение определенной формой (умение правильно вырезать руны) и в то же время как способность оказать, в силу владения этой формой, определенное действие: защитить могилу, в которой найдена надпись, от ограбления или разрушения, отогнать от нее злые силы, защитить живых от мертвеца, обеспечить месть за него, принести счастье владельцу предмета, на котором сделана надпись, и т. д. Но из того, что скальды говорят в стихах о своем искусстве, очевидно, что они тоже осознавали его как владение определенной формой, как умение зашифровать заданное содержание посредством этой формы и в то же время как способность оказать определенное действие — прославить (в случае хвалебной песни), посрамить (в случае нида). Таким образом, скальдическое искусство — это, в сущности, тип творчества, совершенно аналогичный рунической магии.

В древнеисландской литературе есть много свидетельств того, что скальдическое искусство было исконно связано с рунической магией. Бог Один, образ языческой мифологии, который связывался с происхождением скальдического искусства, связывался также и с происхождением рунического искусства. В «Младшей Эдде», произведении, которое было написано как учебник скальдического искусства, рассказывается о том, как Один добыл мед поэзии, т. е. скальдическое искусство (в мифе оно материализовано как напиток).[1] Этот мед, говорится там же, «Один

---

[1] Вот миф о меде поэзии, как он рассказан в «Младшей Эдде». «Все началось с того, что боги враждовали с народом, что зовется Ванами. Но потом они назначили встречу для заключения мира, и в знак мира те и другие подошли к чаше и плюнули в нее. А при расставании боги, чтобы не пропал втуне тот знак мира, сотворили из него человека. Он зовется Квасир [слово того же корня, что и русское «квас»]. Он так мудр, что нет вопроса, на который он не мог бы ответить. Он много странствовал по свету и учил людей мудрости. И однажды, когда он пришел в гости к карлам Фьялару [т. е. «прячущему»] и Галару [т. е. «поющему»], они позвали его как будто затем, чтобы поговорить с глазу на глаз, и убили. А кровь его слили в две чаши и котел, что зовется Одрёрир [т. е. «приводящий дух в движение»], — чаши же зовутся Сон [т. е. «кровь»] и Бодн [этимология неясна], — смешали с той кровью мед, и получилось медовое питье, да такое, что всякий, кто ни выпьет, станет скальдом либо ученым. Асам же карлы сказали, что Квасир захлебнулся в мудрости, ибо не было человека, чтобы мог выспросить у него всю мудрость. Потом карлы пригласили к себе великана по имени Гиллинг и его жену. Они зазвали Гиллинга с собою в море покататься на лодке и, лишь отплыли от берега, направили лодку на подводный камень, так что она перевернулась. Гиллинг не умел плавать и

отдал Асам и тем людям, которые умеют слагать стихи. Поэтому мы и зовем искусство скальда добычей или находкой Одина, его питьем и даром, либо

утонул, а карлы снова сели в лодку и поплыли к берегу. Они рассказали о случившемся его жене, та опечалилась и стала громко плакать. Тогда Фьялар спросил ее, не станет ли легче у нее на душе, если она взглянет на море, где утонул ее муж. И она согласилась. Тогда Фьялар сказал своему брату Галару, пусть заберется на притолоку и, как станет она выходить, спустит ей на голову мельничный жернов, а то, мол, надоели ее вопли. Тот так и сделал. Узнавши о том, великан Суттунг, сын Гиллинга, отправляется туда и, схватив карлов, отплывает в море и сажает их на скалу, что во время прилива погружается в море. Они молят Суттунга пощадить их и, чтобы помириться с ним, дают за отца выкуп — драгоценный мед. На том и помирились. Суттунг увозит мед домой и прячет в скалах, что зовутся Хнитбьёрг [т. е. «сталкивающиеся скалы»], приставив дочь свою Гуннлёд сторожить его <...>

Один отправился в путь и пришел на луг, где девять рабов косили сено. Он спрашивает, не хотят ли они, чтобы он заточил им косы. Те соглашаются. Тогда, вынув из-за пояса точило, он наточил косы. Косцы нашли, что косы стали косить много лучше, и захотели купить точило. Он сказал, что пусть тот, кто хочет купить точило, заплатит за него в меру. Это всем пришлось по душе, и каждый стал просить точило для себя. Тогда Один бросил точило в воздух, но, так как все хотели схватить его, вышло, что они полоснули друг друга косами по шее. Один остался ночевать у великана по имени Бауги, брата Суттунга. Бауги стал сетовать на свои дела и рассказал, что девять его рабов зарезали друг друга косами и навряд ли ему удастся найти себе других работников. Один же назвался Бёльверком [т. е. «злодеем»] и взялся работать у Бауги за девятерых, а вместо платы попросил себе глоток меда Суттунга. Бауги сказал, что не он хозяин меда: мол, Суттунг один за-

питьем Асов». А в «Старшей Эдде» (в «Речах Высокого») рассказывается о том, как Один добыл знание рун, провисев девять ночей на древе, принесенный в жертву себе же. В двух шведских рунических надписях руны названы «происходящими от божества», и так же они названы в «Речах Высокого». Не слу-

---

владел им; но он готов идти вместе с Бёльверком и помочь ему добыть мед. Бёльверк работал все лето за девятерых у Бауги, а как пришла зима, стал требовать с него платы. Они отправились к Суттунгу. Бауги рассказал брату своему Суттунгу об уговоре их с Бёльверком, но Суттунг наотрез отказался дать хоть каплю меда. Тогда Бёльверк сказал Бауги, что надо попробовать, не удастся ли им заполучить мед какой-нибудь хитростью. Бауги согласился. Бёльверк достает бурав по имени Рати [это имя и значит «бурав»] и велит Бауги попробовать, не возьмет ли скалу бурав. Тот так и делает. Потом Бауги говорит, что скала уже пробуравлена. Но Бёльверк подул в отверстие, и полетела каменная крошка в его сторону. Тут он понял, что Бауги замышляет его провести. Снова велит он буравить скалу насквозь. Бауги стал буравить снова, и когда Бёльверк подул во второй раз, каменная крошка отлетела внутрь. Тогда Бёльверк принял обличье змеи и пополз в просверленную дыру. Бауги ткнул в него буравом, да промахнулся. Бёльверк добрался до того места, где сидела Гуннлёд, и провел с нею три ночи, а она позволила ему выпить три глотка меда. С первого глотка он осушил Одрёрир, со второго — Бодн, а с третьего — Сон, и так достался ему весь мед. Потом он превратился в орла и поспешно улетел. А Суттунг, завидев орла, тоже принял обличье орла и полетел в погоню. Как увидели Асы, что летит Один, они поставили во дворе чашу, и Один, долетев до Асгарда, выплюнул мед в эту чашу. Но так как Суттунг уже достигал его, Один выпустил часть меда через задний проход. Этот мед не был собран, его брал всякий, кто хотел, и мы называем его долей плохих скальдов».

чайно и то, что в «Младшей Эдде» слова «руны» и «искусство скальда» употреблены в одном месте как синонимы.

Не случайно, конечно, и то, что Эгиль, самый знаменитый из скальдов, владел не только скальдическим искусством, но и рунической магией. Вот что рассказывается в «Саге об Эгиле». Когда Эгилю на пиру был поднесен рог с брагой, смешанной с ядом, он воткнул себе в ладонь нож, принял рог, вырезал на нем руны и окрасил их своей кровью. Рог разлетелся на куски. В постели одной больной девушки, которой он взялся помочь, Эгиль нашел рыбью кость, на которой были вырезаны руны. Эгиль обнаружил, что руны были вырезаны неправильно и что именно это было причиной болезни девушки. Он соскоблил руны, бросил их в огонь и, вырезав новые руны, положил их под подушку больной девушки. Уезжая из Норвегии после ряда столкновений с норвежским королем Эйриком Кровавая Секира, который объявил Эгиля вне закона, Эгиль высадился на прибрежный остров, воздвигнул там жердь с насаженным на нее лошадиным черепом и вырезал на ней рунами заклятье, призывающее духов страны прогнать Эйрика и его жену Гуннхильд из Норвегии.

Но своеобразие скальдического искусства как типа творчества проявляется, пожалуй, всего яснее в том, как употреблялись сами слова «скальд», «поэзия» и т. п. в древнеисландском языке.

Слово «скальд» (skáld) употреблялось в древнеисландском языке совершенно не так, как слово «поэт» употребляется в современных языках (кстати сказать, в исландском языке слово это и в грамматическом отношении своеобразно: оно среднего рода, так что скальд — это «оно», а не «он»). О сотнях исландцев,

упоминаемых в древнеисландской литературе, говорится, что они были авторами стихов, и многие из этих стихов сохранились. Всякий такой автор стихов мог быть назван «скальдом». Не имело значения, сочинял ли он стихи обычно или сочинил их только в одном-единственном случае, были ли его стихи, по мнению его современников, хорошими или плохими. Таким образом, слово «скальд» значило просто «автор данных стихов» и ничего больше. Поэтому авторы стихов нередко употребляли слово «скальд» или заменяющее его описательное выражение вместо местоимения «я». Очень характерно, однако, что, хотя в древнеисландском языке были слова со значением «автор стихов» (skáld) и «сочинять стихи» (yrkja), в нем не было слов со значением «автор» или «сочинять». Это, конечно, естественное следствие того, что авторство осознавалось только в отношении поэзии, но не прозы, и притом только в отношении поэзии скальдической.

Слово «поэзия» (skáldskap) употреблялось в древнеисландском языке либо в значении «стихи», либо в значении «сочинение стихов». Вместе с тем сочинение стихов считалось совершенно таким же умением, как например езда верхом, игра в шашки, стрельба из лука, гребля, игра на арфе и т. п. Норвежский король Харальд Суровый (умер в 1066 г.) говорит в одной из своих строф, что он владеет восемью умениями, в том числе умением слагать стихи. Оркнейский ярл Рёгнвальд Кали (умер в 1158 г.) в одной из своих строф называет девять умений, которыми он владеет, и на последнем месте — умение слагать стихи. По-древнеисландски каждое такое умение называлось словом (íþrótt), которое обычно переводится словом «искусство». Но в сущности значение этого слова со-

всем не похоже на значение слова «искусство». Характерно, что в современном исландском языке слово это значит только «спорт» или «физическая культура».

«Я слагаю стихи», «я умею слагать стихи», «я хорошо слагаю стихи» — вот к чему, как правило, сводится то, что скальд говорит в своих стихах о себе как авторе и о своем искусстве. «Я начал слагать стихи о битве», «слова поэзии текут из моих губ», «я предлагаю конунгу превосходные стихи», «мне дана находка Одина» (т. е. мне дано искусство слагать стихи), «я начинаю хвалебную песнь», «я покончил со стевом» (т. е. перешел к средней части хвалебной песни) и т. п. — вставные предложения такого рода густо рассеяны по скальдическим хвалебным песням. То, что Эгиль в заключении своей поэмы «Утрата сыновей» говорит о своем искусстве как даре, данном ему в искупление его потерь, — единственный случай, когда автор скальдических стихов высказывает какое-то личное отношение к поэзии.

Быть «скальдом» не значило обладать определенным складом ума и души. Быть «скальдом» значило обладать свойством, которое может так же характеризовать человека, как его рост, цвет волос и т. д. В сагах нередко в заключение перечня таких свойств говорится, что такой-то «был хорошим скальдом», «большим скальдом» и т. п., т. е. умел так-то слагать стихи, но никогда не просто «был скальдом», как могло бы быть сказано, если бы слово «скальд» подразумевало определенный склад ума или души. Правда, слово «скальд» иногда было прозвищем («Скальд Рэв», «Скальд Торир», «Скальд Торва» и т. п.). Но и в этом случае оно означало скорее свойство, аналогичное хромоте, лысине, цвету волос и т. п., чем особый строй ума или души.

Однако у слова «скальд» было еще и другое значение. Как почетное звание или в сопровождении имени правителя в родительном падеже («Тьодольв скальд», «Сигхват скальд Тордарсон», «скальд Харальда Прекрасноволосого») оно означало того, кто сочинял стихи в честь правителя, обеспечивая ему этим славу. По-видимому, это было более древним значением слова, и возможно, что таково было значение слова в тех шведских рунических надписях, в которых тот, кто вырезал надпись, называет себя «скальдом».

СКАЛЬДИЧЕСКОЕ СТИХОСЛОЖЕНИЕ

Как эддическое, так и скальдическое стихосложение в своей основе восходит к древнегерманскому аллитерационному стиху, т. е. той форме аллитерационного стиха, которая существовала у германцев еще до нашей эры. Все элементы скальдического стиха есть и в эддическом стихе. Однако в то время как эддический стих — это форма максимально простая и свободная, скальдический стих — форма максимально строгая и тесная.

Скальдическое стихосложение уже вполне сложилось в ту эпоху, к которой относятся древнейшие памятники поэзии скальдов (т. е. в первой половине IX в.). Поэтому проследить, как оно возникло, невозможно. Всего вероятнее, однако, что скальдический стих развился из эддического в результате усложнения последнего, а не в результате какого-то внешнего влияния. Усложнение же стиха, конечно, — одно из проявлений той гипертрофии формы, которая характерна для скальдической поэзии вообще.

В древнегерманском аллитерационном стихосложении аллитерация, т. е. повторение одинаковых начальных звуков, — не случайное украшение или средство выразительности, а основа стиха.[2] Встречаясь только в определенных местах двух соседних строк и только в слогах, несущих метрическое ударение, аллитерация связывает две соседние строки в одно целое и в то же время, выделяя слоги, несущие метрическое ударение, определяет ритм. Как сказано в одном древнеисландском памятнике, аллитерация так же скрепляет строки, как гвозди скрепляют корабль, сделанный мастером. Такую роль аллитерация играет и в эддическом, и в скальдическом стихе. Но в отличие от эддического стиха в скальдическом стихе аллитерация гораздо более строго регламентирована. Кроме того, в скальдическом стихе строго регламентированы внутренние рифмы (в эддическом стихе они встречаются только спорадически), регламентировано количество слогов в строке (в эддическом стихе оно совсем не регламентировано), строго регламентировано количество строк в строфе (в эддическом стихе оно не строго регламентировано).

Самый распространенный из скальдических размеров — дроттквет. Им сочинено пять шестых всей

---

[2] В древнегерманских языках аллитерация всегда падает на начало слова, и это, конечно, связано с тем, что в данных языках начальный слог слова — это вместе с тем всегда ударный слог, т. е. слог, который всегда слышнее. При переводе древнегерманского аллитерационного стиха на язык, в котором (как в русском языке) ударным может быть любой слог слова, естественно воспроизводить аллитерацию не на начале слова, а на начале ударного слога слова, что, как правило, и делает переводчик в настоящем издании.

скальдической поэзии. В стихах, которые представлены в этом издании, дротткветт тоже господствует. Поэтому в примечаниях размер стихов оговаривается только в том случае, если это не дротткветт. Виса (т. е. строфа) дротткветта состоит из восьми строк, образующих два четверостишия или четыре двустишия. По строю стиха двустишия дротткветта совершенно одинаковы, поэтому размер этот можно иллюстрировать двустишием. В нечетных строках дротткветтной висы всегда два аллитерирующих слога, в четных — один, и это всегда первый слог. В каждой строке есть внутренние рифмы (так называемые «хендинги»), в нечетных строках они неполные, в четных — полные.[3] Например:[4]

Пь*я*н*о*й п*е*н*ы* волны
Пью из з*уб*а з*уб*ра.

Как видно из высказываний скальдов, считалось, что именно хендинги создают «красоту» дротткветта. Хендинг — это вместе с тем единственная формальная особенность, становление которой происходит или, вернее, завершается уже в историческое время (в древнейших скальдических стихах узор хендингов менее строг).

---

[3] В поэзии скальдов полная внутренняя рифма, как правило, охватывает согласный и предшествующий ему гласный (например: hv*í*tingr — l*í*ta, h*urð* — sp*urð*umk), тогда как неполная внутренняя рифма не охватывает гласного, предшествующего согласному (например: v*í*g — hn*ei*gir, *af*li — *ef*la). В переводе, представленном в настоящем издании, полные внутренние рифмы воспроизводятся чаще с охватом не последующего, а предшествующего согласного (например: *ра*дость — с*ра*м, *ла*дно — с*ла*ва).

[4] Здесь и далее внутренние рифмы выделены курсивом, аллитерации — жирным шрифтом.

Дроттквет — размер трехтактный. В каждой его строке должно было быть шесть слогов, из которых три несут метрическое ударение. Эти слоги в то же время всегда несут и словесное ударение, и, как правило, они долгие (в древнеисландском языке в долгом слоге либо гласный долог, либо за кратким гласным следуют два или больше согласных, а в кратком слоге гласный краток и за гласным следует не больше одного согласного). Однако в известных положениях (всего чаще в начале строки) два кратких слога могут заменять один долгий слог. Распределение слогов, несущих и не несущих метрическое ударение, в строке могло быть различным, т. е. не укладываться в ямбическую или хореическую схему, но предпоследний слог строки всегда должен был нести метрическое ударение. Его должен был нести также первый слог четной строки, поскольку на него всегда падала «главная аллитерация», т. е. аллитерация, связывающая две строки в двустишие.

Самое своеобразное в дроттквете, однако, не его исключительно строгая и тесная метрическая схема, а характерная для него синтаксическая структура. Сами по себе отдельные предложения в дроттквете всегда просты по своему строю. Как показали подсчеты, основной закон словорасположения в отдельном предложении, действующий в древнеисландской прозе (глагол не дальше второго места от начала), полностью выдержан в дроттквете (за исключением так называемых «связанных предложений», т. е. предложений, начинающихся с союза, но это исключение — по-видимому, пережиток того, что раньше имело место и в прозе в этих предложениях). Между тем расположение отдельных предложений в дроттквете не только не похоже на их расположение в древнеисландской прозе, но вообще

не имеет параллели в мировой литературе. Отдельные предложения в дроттквете (и только в дроттквете, но не в других скальдических размерах) могут втискиваться друг в друга или переплетаться, что было хорошо известно еще Снорри Стурлусону, который в своем «Перечне размеров» (стихотворной части «Младшей Эдды») приводит примеры трех типов такого переплетения. Как показали исследования, в действительности количество типов таких переплетений достигает полусотни. Однако эти переплетения все же подчинены некоторым общим правилам (вроде, например, того, что три предложения могут только так переплетаться друг с другом, чтобы одно из двух первых закончилось прежде, чем начнется третье), и есть излюбленные типы переплетения. Особенно част тип вставки, занимающей всю предпоследнюю строку полустрофы и первую половину последней строки. Довольно часта также вставка, охватывающая всю предпоследнюю строку и вторую половину последней строки. Встречаются, однако, и значительно более сложные типы переплетения предложений.[5]

Каким образом мог возникнуть обычай переплетать и втискивать друг в друга предложения, остается загадкой. Всего чаще его пытались объяснить так: трудность и теснота дроттквета, т. е. необходимость соблюсти тройные аллитерации, полные и неполные внутренние рифмы и жесткое число слогов в строке, вынуждали переплетать предложения. Это

---

[5] В переводах, представленных в настоящем издании, предложения переплетаются только изредка, гораздо реже, чем в оригинале, причем разорванные предложения, как правило, выделены курсивом.

объяснение оставляет непонятным, однако, почему нарушается порядок предложений, а не слов (что было бы гораздо естественней), почему это нарушение имело место только в дроттквете, а не в других скальдических размерах (а некоторые из них не менее трудны и тесны, чем дроттквет) и, главное, почему переплетение предложений должно было быть облегчением для скальдов, а не наоборот. Высказывалось также предположение, что переплетение предложений — сознательный художественный прием, цель которого то ли в том, чтобы образы, рисуемые в строфе, и связанные с ними мысли подействовали на слушателей настолько собранно, насколько возможно, то ли в том, чтобы посредством напряжения, возникающего в результате разделения элементов предложения, подчеркнуть их единство. Однако нетрудно убедиться в любой строфе дроттквета, что эти предположения совершенно голословны: переплетение предложений затрудняет понимание и только, а вовсе не способствует одновременному восприятию ряда образов или восприятию разделенных элементов предложения как единства. Менее голословным представляется предположение, что порядок слов в дроттквете коренился в умышленной «темноте», свойственной магической поэзии. Однако остается все же непонятным, почему «темнота», свойственная магической поэзии, приняла именно такую форму, и притом именно только в дроттквете.

Наиболее обоснованным представляется предположение, что порядок слов в дроттквете объясняется тем, что дротткветтные хвалебные песни первоначально сочинялись для исполнения двумя скальдами или хором на два голоса. Виса могла распадаться как бы на две партии. Было принято поэтому переплетать

в висе параллельные предложения. Исполнение на два голоса впоследствии вышло из употребления, но обычай переплетать предложения в силу исключительной консервативности скальдической традиции сохранился в дроттквете как омертвевшая форма. В пользу такого объяснения говорит, во-первых, этимология слова «дроттквет» (оно буквально значит «исполняемый дружиной», т. е., очевидно, не одним скальдом, а хором); во-вторых, существование тесной связи между переплетением предложений и метрическим строем дротткветтной висы (вплетающееся предложение либо подхватывает аллитерацию, либо задает новую, оно может также подхватывать хендинг, и длина вплетающегося предложения всегда увязана со схемой аллитераций и хендингов); в-третьих, широкая распространенность обычая хорового или амебейного исполнения хвалебных песен на ранних этапах культурного развития, в частности, как следует из ряда свидетельств, у германских племен.[6]

---

[6] Вот основные из этих свидетельств: в «Беовульфе» рассказывается о том, как двенадцать дружинников гарцевали вокруг могильного кургана героя и воспевали его доблести и подвиги, и это точная параллель описанию погребения Аттилы у готского историка Иордана; один византийский автор рассказывает о том, как после пира у Аттилы два варвара (т. е., вероятно, гота) стали против него и «произнесли сложенные песни, воспевая победы и военные доблести»; в древнеанглийской поэме «Видсид» певец говорит: «когда я со Скиллингом ясным голосом перед нашим победоносным князем песнь зачинали»; Гиральд Кембрийский, английский средневековый автор, упоминает исполнение песни в два голоса в Нортумбрии и высказывает предположение, что оно идет от скандинавских викингов.

Гораздо менее употребительны, чем дроттквет, были другие скальдические размеры — тёглаг, хрюнхент, рунхент и квидухатт.

Тёглаг (или тоглаг) — это четырехсложный и двухтактный размер с той же строфической композицией и тем же расположением аллитераций и хендингов, что и в дроттквете. Вот пример двустишия тёглага:

Князь был бос,
Нес он посох.

В этом размере позволялись различные вольности в отношении числа слогов, аллитерации и хендингов. Таким размером было сочинено несколько хвалебных песней.

Хрюнхент — это восьмисложный и четырехтактный размер, аналогичный дроттквету. Вот пример двустишия хрюнхента:

Я твою, владыка даков,
Доблесть славлю речью доброй.

В этом размере ударные и неударные слоги обычно распределяются по хореической схеме. Размер этот применяли в хвалебных песнях.

Рунхент — единственный скальдический размер с конечной рифмой. Но в рунхенте есть и аллитерация. Рифмы в рунхенте бывают мужские и женские, но всегда только смежные. Встречается двухтактный, трехтактный и четырехтактный рунхент. Вот пример четверостишия двухтактного рунхента:

Серп жатвы сеч
Сек вежи с плеч,
А ран рогач
Лил красный плач.

Квидухатт — размер более простой, чем предыдущие. В нем нет ни внутренних, ни конечных рифм, а расстановка аллитерирующих слогов более свободная. Размер этот двухтактный. Трехсложные строки регулярно чередуются в нем с четырехсложными. Вот пример четверостишия квидухатта:

Глума вал
На бахвалов!
Другам — мед
Мерной речи.

Этот размер применялся скальдами редко, но им сочинены самые знаменитые скальдические произведения — «Перечень Инглингов» Тьодольва из Хвинира, а также «Утрата сыновей» и «Песнь об Аринбьёрне» Эгиля.

СКАЛЬДИЧЕСКАЯ ФРАЗЕОЛОГИЯ

В скальдической поэзии, так же как в эддической, основные стилистические элементы — хейти и кеннинги. Однако в скальдической поэзии и те и другие используются совсем не так, как в эддической.

Хейти (буквально «название») — это одночленный заменитель существительного обычной речи, т. е. поэтический синоним. Для некоторых понятий, часто используемых в поэзии, их было множество. Но эддические хейти — это обычно либо архаизмы, которые первоначально ассоциировались с теми или иными конкретными признаками обозначаемого явления, либо собственные имена, ставшие нарицатель-

ными. Таким образом, очевидно, что эддические хейти не создавались при сочинении песни, а черпались из традиции.

Кеннинг (буквально «обозначение») — это замена существительного обычной речи двумя существительными, из которых второе определяет первое, т. е. перифраз типа «конь моря» (т. е. корабль). Основное свойство всякого эддического кеннинга — то, что он не придумывался при сочинении того произведения, в котором он был употреблен: и заключенный в нем образ, и его словесное выражение черпались из традиции.

Хейти, которые применялись в эддической поэзии, использовались и в скальдической поэзии, где также посредством хейти обозначался только очень ограниченный круг понятий. Но в скальдической поэзии использовалось гораздо большее количество хейти и в основном для варьирования словесного выражения кеннингов. В скальдической поэзии за хейти принимались не только синонимы в собственном смысле слова, но и слова, близкие по значению к данному слову, или даже слова, как-то связанные с данным словом. Так, за хейти моря в скальдической поэзии принимались не только слова, которые стали синонимами слова «море» в результате стихийного семантического развития и в которых оттенок значения различим с трудом или неразличим вовсе, но также и слова, которые значили не «море», а «волна», «пучина», «прибой», «морское течение», «залив», «фьорд», «устье», «река», «ручей», «водопад», «пруд», «лужа», «болото» и т. д. Подобным же образом за хейти огня принимались не только синонимы слова «огонь» в собственном смысле, но также и слова, которые значат не «огонь», а «костер», «луч»,

«светоч», «молния», «блеск», «искра», «солнце», «день», «луна», «янтарь» и т. д. Как хейти использовались также собственные имена. Так, за хейти земли принимались не только слова, которые значат «страна», «поле», «луг», «долина», «гора», «путь» и т. д., но также, например, слово «Самланд», т. е. название определенной страны, а за хейти моря не только слово, которое значит «река», но также название определенной реки, например «Марна» или «Рейн». Иногда за хейти принимались даже омонимы заменяемого слова.

Таким образом, в противоположность эддическим хейти скальдические хейти отнюдь не обязательно черпались из традиции. Они могли быть и продуктом индивидуальной выдумки, так как очевидно, что хейти, подобные только что приведенным, не были результатом стихийного семантического развития.

В поэзии скальдической, так же как в эддической, кеннингами обозначались всегда одни и те же понятия — корабль, битва, воин, кровь, меч, море, золото и т. д., и в основе кеннинга лежали, как правило, такие же трафаретные метафоры, как те, которые лежали в основе эддических кеннингов, а именно метафоры типа «конь моря» (т. е. корабль), «буря копий» (т. е. битва), «дерево битвы» (т. е. воин), «море меча» (т. е. кровь), «огонь битвы» (т. е. меч), «дом угрей» (т. е. море), «огонь моря» (т. е. золото; как известно из одного сказания, золото служило освещением на пиру у морского великана Эгира) и т. д. Однако в результате того, что хейти, которые подставлялись в кеннинги вместо их компонентов, могли быть вовсе не синонимами, а только словами, как-то связанными по значению со словом, которое они замещали, наиболее употребительные кеннинги превратились

в скальдической поэзии в совершенно условные схемы.

Самый употребительный из скальдических кеннингов — это кеннинг воина, т. е. мужчины. В обычном скальдическом кеннинге мужчины основа (т. е. определяемое) — имя какого-нибудь бога, т. е. Фрейр, Бальдр и т. д., или название дерева мужского рода, т. е. ясень, дуб и т. д., а определение — то, с чем имеет дело мужчина, т. е. битва, кольчуга, шлем, щит, меч, корабль, сокровище и т. д. В обычном скальдическом кеннинге женщины основа — имя мифического существа женского пола (Фрейя, Герд, Гевьон и т. д.) или название дерева женского рода (липа, береза, ольха и т. д.), а определение — то, что украшает женщину (например, золото, полотно, запястье, повязка и т. д.), либо какой-либо предмет из сферы ее деятельности (например, скамья, подушка, пиво и т. д.). В сохранившихся скальдических кеннингах женщины называется несколько десятков различных предметов женского туалета. К аналогичной схеме сводится обычный скальдический кеннинг ворона. Основа его — любая птица (чайка, глухарь, кукушка, гусенок) и даже оса, а его определение — труп, рана, кровь, битва, оружие и т. д. В обычном скальдическом кеннинге корабля основа не только конь, но также лось, олень, бык, волк, кабан, леопард, слон и т. д., а определение не только море, но и любая часть корабля — штевень, шпангоут, рея, марс, канат, тали и т. д. В сохранившихся скальдических кеннингах корабля называется до сорока различных корабельных частей.

Очевидно, что такого рода кеннинги дают широкий простор для индивидуальной выдумки. Но очевидно также, что метафора уступила в них место

совершенно условной схеме: основа в них — название любого объекта того же класса, что и описываемое целое, а определение — название любого конкретного предмета из сферы целого.

Но еще больший простор для индивидуального творчества открывается благодаря тому, что определение (но не определяемое!) в кеннинге может быть заменено кеннингом и таким образом получен кеннинг, содержащий в себе кеннинг, т. е. трехчленный кеннинг типа «огонь треска стрел» (т. е. меч, так как «треск стрел» — это битва). Такого рода замена может быть продолжена дальше и получен кеннинг, содержащий в себе два, три, четыре и даже пять кеннингов. Таков, например, кеннинг «метатель огня вьюги ведьмы луны копя корабельных сараев», где «конь корабельных сараев» — корабль, «луна корабля» — щит, «ведьма щита» — секира, «вьюга секиры» — битва, «огонь битвы» — меч, а «метатель меча» — мужчина, т. е. просто «он»! Такие семичленные кеннинги в скальдической поэзии, правда, представляют исключение. Однако многочленные кеннинги, т. е. трех-, четырех-, пяти- и даже шестичленные, в ней не редкость. Так, один скальд называет свои стихи «прибоем дрожжей людей костей фьорда», поскольку «кости фьорда» — горы, «люди гор» — великаны, «прибой дрожжей» — мед, а «мед великанов» — это, согласно мифу, поэзия. Естественно, что многочленные кеннинги давали гораздо больше возможностей для индивидуального творчества, чем двучленные. И действительно, многочленные кеннинги, как правило, индивидуальны в своем словесном выражении.

Таким образом, хотя варьирование словесного выражения кеннинга было проявлением осознанного

индивидуального авторства и тем самым обеспечивало фиксированность текста, оно в то же время вело к тому, что связь между содержанием и формой становилась совершенно условной, а форма — независимой от содержания, и осознанное авторство не распространялось дальше словесной формы.

Одно из проявлений условности скальдической фразеологии — кеннинги женщины и мужчины, в которых определение — слово «рука» или его эквивалент (например, «Фрея руки», «Бальдр руки»). По-видимому, такие кеннинги возникли в результате выпадения первого члена в определении типа «огонь руки» (т. е. золото) в трехчленном кеннинге типа «Фрея огня руки» или «Бальдр огня руки». Характерны также так называемые «полукеннинги», т. е. кеннинги женщины или мужчины, в которых определение совершенно отпало и достаточным обозначением женщины или мужчины стали мифологическое имя или название дерева. Подобно условному знаку, скальдический кеннинг не должен был выражать ничего кроме того, что выражает существительное, которое он заменяет. Он мог поэтому сопровождаться указательным или притяжательным местоимением или числительным так же, как заменяемое им существительное: в скальдических стихах можно было сказать «в эту смерть змей», т. е. в эту зиму («смерть змей» — кеннинг зимы), или «шесть горестей змей», т. е. шесть зим. Независимость кеннинга по отношению к контексту очевидна и в кеннингах мужчины, эквивалентных личному местоимению «он», «его» или «я», «меня» и т. п. (такие кеннинги численно превосходят все другие). Независимость словесного выражения от содержания очевидна также, когда буквальное значение кеннинга резко противоречит ситуации (нищий

обозначается кеннингом «раздаватель золота», тот, кто никогда не бывал в битве, называется «Бальдром битвы», и т. п.) или контексту (трусливый человек называется «трусливым деревом брони», а несчастный человек — «несчастным кустом богатства», и т. п.). Наконец, условность скальдической фразеологии, ее независимость от содержания, проявляется в том, что мифологические кеннинги, т. е. кеннинги типа «Бальдр битвы» или «Фрейя запястья», широко применялись в католическо-христианской скальдической поэзии XII в., в частности для обозначения христианских святых.

Таким образом, в скальдическом кеннинге, как правило, только его словесное выражение ново, индивидуально, тогда как его внутренняя форма абсолютно трафаретна. Однако нет правила без исключения. По-видимому, иногда все же сочинялись совершенно новые кеннинги, т. е. кеннинги, в которых была нова также и внутренняя форма. Так, у Эгиля, самого выдающегося из скальдов, есть ряд таких кеннингов, в частности в описаниях поэтического творчества. Он говорит, например, о «безмене языка», т. е. способности взвешивать звуки для стиха, о том, что он стругает стихи «рубанком голоса», что он засадил «раба речи», т. е. язык, за сочинение стихов, и т. п.

СКАЛЬДИЧЕСКИЕ ЖАНРЫ

В скальдической поэзии различия между жанрами несравненно ощутимее, чем различия между авторами. Попытки обнаружить какое-либо сходство в манере между двумя произведениями разных жанров, но сочиненными одним и тем же скальдом, обычно

так же безуспешны, как попытки обнаружить различие в манере между двумя произведениями одного жанра, но сочиненными разными скальдами. Сила традиции, как правило, подавляла творческую индивидуальность. Поэтому обзор скальдической поэзии не по авторам, а по жанрам подсказывается самой сущностью скальдической поэзии.

Основной жанр скальдической поэзии — хвалебная песнь. В продолжение трех с половиной веков, с середины X и до конца XIII в., исландцы поставляли правителям Норвегии, а иногда и других скандинавских стран и даже Англии хвалебные песни. Судя по сохранившимся хвалебным песням, исландские скальды начиная со второй половины X в. вытеснили в Норвегии местных скальдов. В «Перечне скальдов» (древнеисландском памятнике XIII в.) называется сто сорок скальдов, слагавших хвалебные песни в честь разных скандинавских правителей. По-видимому, не меньше ста из этих скальдов были исландцами. Сохранилось (но обычно не полностью) множество хвалебных песней, сочиненных исландскими скальдами в честь норвежских и других правителей. В исландских сагах нередко рассказывается о том, как исландцы во время своих морских поездок посещали норвежских и других правителей, исполняли им свои заранее сочиненные хвалебные песни, получали в награду золотое запястье, дорогое оружие, одеяние из драгоценной ткани, корабль, груженный товаром, и т. д., гостили некоторое время при дворе или оставались там надолго и тогда занимали почетное положение и подчас играли важную политическую роль.

Основная форма скальдической хвалебной песни — драпа. В средней части драпы всегда было несколько

вставных предложений (так называемый «стев», т. е. своего рода припев), которые делили эту среднюю часть на несколько отрезков. Этимологически название «драпа», по-видимому, и значит «песнь, разбитая на части» (слово «драпа» происходит от глагола, который значит «разбивать»). Стев мог быть различной формы и по содержанию совсем не связанным с основным содержанием драпы. Стев мог образовывать отдельное четверостишие, частично повторяющееся после каждых двух вис драпы. Он мог образовывать заключительную часть последней строки каждого четверостишия и совсем не повторяться. Так, в драпе Кормака о ярле Сигурде заключительная часть последней строки каждого четверостишия образует самостоятельную фразу мифологического содержания, не имеющую никакого отношения к содержанию самой драпы («Тор сидит в колеснице», «Боги перехитрили Тьяцци», «Один околдовал Ринд» и т. п.). Стев мог образовывать вторую и третью строки каждого четверостишия. Но он мог быть и расщеплен на несколько частей, из которых каждая образовывала строку, вставленную в ту или иную вису (так называемый «расщепленный стев»). Судя по некоторым сохранившимся фрагментам, этим не исчерпывались возможные формы стева. Впрочем, не ясно, где граница между стевом и обычным для скальдов переплетением предложений.

По-видимому, наличие стева — единственное, что отличает драпу от так называемого «флокка» — цикла вис, т. е. хвалебной песни, состоящей из ряда вис, не разбитых стевом. Драпа считалась более пышной и торжественной формой, чем флокк. Известно, что датский король Кнут разгневался на исландского скальда Торарина Славослова за то, что тот сочинил

в его честь флокк, а не драпу, и потребовал, чтобы к следующему дню была под страхом смертной казни готова драпа в его честь.

Каждая из вис, составляющих драпу, — как правило, замкнутое целое, не только в метрическом, но и в смысловом отношении. Если в последующей висе драпы говорится о том же событии, что и в предыдущей, то эта последующая виса всего чаще просто вариация на ту же тему. В драпе никогда не бывает ничего сколько-нибудь похожего на сюжет. Не бывает в драпе и прямой речи, т. е. монологов или диалогов. Вообще по своей композиции драпа похожа на самый примитивный из жанров — стихотворный перечень имен или каких-либо сведений. Единственное, что позволяет установить последовательность вис в драпе, — хронологическая последовательность описываемых в драпе событий, так как такая последовательность в драпе всегда бывает соблюдена. Однако эти события (т. е. битвы, набеги, войны) в драпах обычно не индивидуализированы, а представлены условными деталями (сверкание мечей, потоки крови, пожирание трупов волками, вóронами и орлами), и поэтому часто их хронологическая последовательность не поддается установлению. Отсюда понятно, почему сохранилось множество фрагментов драп, но почти ни одной целой драпы.

Драпа обычно начинается с просьбы скальда выслушать сочиненные им стихи. Затем следует перечисление воинских подвигов прославляемого и восхваляются его храбрость и щедрость. Заключение драпы может содержать просьбу скальда о награде за его произведение. В сагах в ряде случаев сообщается, какой, так сказать, гонорар получил скальд. Так, в «Саге о Гуннлауге Змеиный Язык» сообщается, что за свои

хвалебные песни Гуннлауг получил от английского короля «пурпурное одеяние, подбитое лучшим мехом и отделанное спереди золотом», от короля, правившего в Дублине, — «наряд из пурпура, отделанное золотом одеяние и плащ с дорогим мехом, а также золотое запястье весом в одну марку» (король сначала хотел подарить Гуннлаугу два корабля, но королевский казначей сказал, что это слишком много), от оркнейского ярла — «широкую секиру, всю выложенную серебром» (но в этом случае Гуннлауг сочинил флокк, а не драпу!).

Речь в драпах, как и во флокках, всегда идет о событиях, которых скальд был очевидцем или о которых он слышал от очевидцев. О далеком прошлом в скальдических хвалебных песнях, как правило, не говорится, т. е. в них нет истории в собственном смысле слова. Обычно в них рассказывается лишь о подвигах живого человека (или только что умершего в случае поминальной драпы). О событиях прошлого в них говорится только постольку, поскольку эти события — факты из жизни прославляемого. Другими словами, в скальдических хвалебных песнях говорится исключительно о том, что было для скальда современностью. Лишь в XII в. скальды начали сочинять драпы также и о давних событиях, и о героях прошлого. Так, некто Халлар-Стейн сочинил драпу в честь давно умершего норвежского короля Олава Трюггвасона, а некто Хаук Вальдисарсон — драпу о героях исландских «родовых саг». В этих произведениях XII в. история становится свободно выбранной литературной темой. Первоначально скальды не выбирали содержание своих хвалебных песней: оно бывало задано фактами биографии прославляемого.

Снорри Стурлусон в прологе к «Кругу Земному»,

самой знаменитой из исландских «королевских саг», так говорит о правдивости скальдических хвалебных песней: «Когда Харальд Прекрасноволосый был королем Норвегии, Исландия была заселена. У Харальда были скальды, и люди еще помнят их стихи, а также стихи о всех конунгах, которые потом правили Норвегией <...> Мы признаем за правду все, что говорится в этих стихах о походах и битвах конунгов. Ибо, хотя у скальдов в обычае всего больше хвалить того правителя, перед лицом которого они находятся, ни один скальд не осмелился бы приписать ему такие деяния, о которых все, кто слушает, да и сам правитель, знают, что это ложь и небылицы. Это было бы насмешкой, а не хвалой». Как показали исследования историков, это странное с точки зрения нашего времени высказывание (почему, казалось бы, не приписать живому правителю то, чего он не совершал?) тем не менее содержит совершенно правильную оценку скальдических хвалебных песней как исторического источника. Несмотря на шаблонность изображения и условность деталей, всякая скальдическая хвалебная песнь — это сухой и точный перечень индивидуальных событий, в принципе определимых хронологически и географически. Никакого сознательного вымысла в них действительно нет. Это, конечно, объясняется тем, что, как это ни странно, возможность сознательного поэтического вымысла была вообще неизвестна. Сознательный отбор фактов действительности, их обобщение и преобразование в художественный вымысел были еще недостигнутой возможностью.

Ценность скальдических хвалебных песней как исторических источников была понята еще авторами «королевских саг». Скальдические хвалебные песни и сохранились большей частью именно как цитаты

в «королевских сагах». В этих сагах стихи из скальдических хвалебных песней приводятся в качестве исторических документов. Историки Скандинавии считают даже, что эти стихи, как правило, являются более надежными историческими источниками, чем саги, в которых они цитируются. Однако в свое время скальдические хвалебные песни сочинялись, конечно, вовсе не в историографических целях. Назначением хвалебной песни было оказать определенное действие, а именно прославить того, к кому она была обращена, обеспечить ему славу.

В языческое время в Скандинавии господствовало представление, что убийство на поле битвы — это посвящение убитых Одину и его священным животным — вóронам и волкам. В скальдических хвалебных песнях это представление нередко находит прямое выражение («справедливый потрясатель огня битвы послал изрубленных мечом воинов Одину», «Один получил трупы убитых», «ты послал девять конунгов Одину» и т. п.). Битва представлялась торжественным актом, аналогичным человеческим жертвоприношениям, которые, как следует из того, что Адам Бременский рассказывает в своей «Истории гамбургских архиепископов», написанной около 1075 г., совершались в Скандинавии еще в XI в. Поэтому обязательные в скальдических хвалебных песнях упоминания о том, что прославляемый обагрил меч, оставил на поле битвы множество трупов и утолил жажду воронов и волков, первоначально, в языческое время, были, в сущности, описанием ритуальных актов, которые, будучи закреплены в стихах, должны были сохранять свою действенность на все то время, пока эти стихи хранились в памяти людей. Но, вероятно, еще в языческое время «кормежка» волков и воронов трупами и тому подоб-

ные образы стали условной поэтической фразеологией, и об условности этой фразеологии свидетельствует, в частности, то, что она продолжала использоваться в хвалебных песнях и после христианизации.

Сочинить хвалебную песнь о ком-нибудь — значило сделать его обладателем славы. Не случайно в языке скальдов слова «поэзия» и «слава» — синонимы. Не случайно и то, что в скальдической хвалебной песни прославляемый, как правило, не обладает никакими индивидуальными качествами. Как личность он, в сущности, вообще отсутствует в ней. Считалось, очевидно, что сама по себе стихотворная форма обеспечивала действенность хвалебной песни. Поэтому, в частности, не играло никакой роли, было ли сочинение хвалебной песни добровольным или вынужденным. Характерно, что нередко один и тот же скальд слагал хвалебные песни в честь правителей разных стран или правителей, которые враждовали друг с другом.

Представление о действенности стихотворной формы самой по себе всего отчетливее проявляется в рассказах о тех хвалебных песнях, которые были «выкупами головы». В этих рассказах тот или иной правитель меняет свое право убить провинившегося перед ним скальда на хвалебную песнь, сочиненную скальдом в его честь. Хвала в таких случаях была явно вынужденной, но тем не менее песнь, содержащая ее, считалась вполне действенной. Браги Старый — древнейший из скальдов, чьи стихи сохранились, — выкупил свою голову у шведского конунга Бьёрна, сочинив хвалебную песнь о нем в течение одной ночи. Примерно то же самое рассказывается о семи других скальдах IX—XI вв. «Выкупом головы»

была, в частности, драпа, которую Торарин Славослов сочинил о короле Кнуте. Самая знаменитая из всех этих историй известна из «Саги об Эгиле» (подробнее о «Выкупе головы» Эгиля см. с. 137).

Скальдическая хвалебная песнь была жанром чрезвычайно устойчивым и консервативным. С первой половины IX в., т. е. эпохи, к которой относятся древнейшие сохранившиеся образчики жанра, и до его отмирания в конце XIII в., т. е. в продолжение около полутысячелетия, в нем не произошло сколько-нибудь существенных изменений. Исландские скальды продолжали сочинять драпы в честь норвежских королей вплоть до самого конца XIII в. Согласно «Перечню скальдов», короля Сверрира (1184—1202) прославляло тринадцать скальдов. Даже еще у короля Эйрика Магнуссона (1268—1299) было пять скальдов. Но, по-видимому, в течение XII и XIII вв. исполнение драп перед королем превращалось во все более формальную церемонию и в конце концов вышло из моды. Вероятно, этому способствовало то, что в XIII в. скальдическая поэзия перестала быть устной. Скальды стали писать свои произведения, которые, таким образом, могли быть издалека посланы прославляемому и не обязательно должны были быть произнесены самим автором. Сочинение окончательно отделилось от исполнения.

Непосредственным следствием христианизации (она произошла в Исландии в 1000 г.) было уменьшение количества кеннингов, содержащих имена языческих божеств, в драпах, сочинявшихся в честь норвежских королей. Но по мере того как христианство упрочивалось и языческая мифология теряла свой религиозный смысл, превращаясь в условную поэтическую фразеологию, мифологические кеннинги снова

становились обычными. Уже спустя столетие после христианизации они так же обильны в драпах, как были до нее.

По-видимому, еще в начале XI в. появились «католические драпы», т. е. поэмы в честь девы Марии и христианских святых. В композиционном и стилистическом отношении католические драпы, в сущности, ничем не отличаются от обычных драп. Однако по содержанию католические драпы стоят, естественно, далеко от обычных скальдических драп. Главное новшество католических драп заключается в том, что в них появляются элементы лирики и все больше места занимают личные переживания автора. Эта тенденция находит свое завершение в середине XIV в. в «Лилии», драпе августинского монаха Эйстейна Асгримссона, самом знаменитом произведении позднего средневековья в Исландии. В «Лилии» скальдическая фразеология в значительной степени преодолена.

Разновидностью скальдической хвалебной песни была так называемая «щитовая драпа», т. е. драпа, в которой описываются изображения сцен из героических или мифологических сказаний на щите, полученном скальдом в дар от прославляемого. Судя по тому, что рассказывается в «Саге об Эгиле», принятие в дар щита накладывало на скальда обязательство сочинить драпу с описанием изображений на щите, причем такая драпа обеспечивала славу дарителю. Таким образом, в случае щитовой драпы еще очевиднее, что слава обеспечивалась определенной формой, а не содержанием: ведь в щитовой драпе о самом прославляемом совершенно ничего не говорилось! Прославление оказывается здесь похожим на передачу прославляемому какой-то материальной ценности, эквивалентной его подарку.

Древнейший образчик этого жанра — «Драпа о Рагнаре» Браги Старого — в то же время и древнейшее из сохранившихся скальдических произведений (подробнее о нем см. с. 132). Сохранилось также 20 вис щитовой драпы, сочиненной скальдом второй половины IX в. Тьодольвом из Хвинира. Она называется «Хаустлёнг» (смысл названия не ясен). В ней описываются сцены из мифа о похищении Идунн великаном Тьяцци и из мифа о битве Тора с великаном Хрунгниром. Оба мифа известны по «Младшей Эдде». Сохранились также фрагменты из двух щитовых драп Эгиля. Возможно, что и некоторые другие сохранившиеся дротткветтные строфы мифологического содержания представляют собой фрагменты из щитовых драп.

Разновидностью скальдической хвалебной песни была также генеалогическая хвалебная песнь. Древнейшее произведение этого жанра, «Перечень Инглингов» Тьодольва из Хвинира, — это перечисление предков некоего конунга Рёгнвальда в тридцати поколениях, причем о каждом из этих предков сообщается, как он умер, а о многих из них также, где они были похоронены (подробнее об этом произведении см. с. 134). По-видимому, предпосылкой жанра генеалогической хвалебной песни было представление, что могилы предков обеспечивают счастье и славу потомков. Сохранились еще две генеалогические песни, более поздние: «Перечень Халейгов», сочиненный норвежским скальдом Эйвиндом Погубителем Скальдов около 985 г. в честь норвежского ярла Хакона Могучего, и «Перечень норвежских королей», сочиненный каким-то исландцем около 1190 г. в честь Йона Лофтссона, знатного исландца, ведшего свой род от норвежских королей. Оба этих произведения и по содержанию и по

форме (их размер не дроттквет, а квидухатт) очень похожи на «Перечень Инглингов». Поэтому считается, что они — просто подражания «Перечню Инглингов». Возможно, однако, что песни, аналогичные «Перечню Инглингов», сочинялись и раньше и что он тоже воспроизводит традиционную схему.

Хотя хвалебная песнь — жанр поэзии скальдической, есть три хвалебные песни, которые по форме гораздо больше похожи на поэзию эддическую. Все три произведения были сочинены в Норвегии в X в., т. е. задолго до введения письменности. Первая из этих песней (ее называют «Речи Вóрона» или «Песнь о Харальде») сочинена в честь Харальда Прекрасноволосого одним из его скальдов — то ли Торнбьёрном Хорнклови, то ли Тьодольвом из Хвинира (в источниках разные ее висы приписываются то одному, то другому). Вторая (она называется «Речи Эйрика») сочинена каким-то норвежским скальдом в честь Эйрика Кровавая Секира, сына Харальда Прекрасноволосого. А третья (она называется «Речи Хакона») сочинена норвежским скальдом Эйвиндом Погубителем Скальдов в честь другого сына Харальда Прекрасноволосого — Хакона Доброго (подробнее об этом произведении см. с. 148).

Во всех этих песнях перемежаются два эддических размера, стиль близок к стилю эддических песней и, как во многих эддических песнях, есть мифологическое обрамление. Есть в них также прямая речь — монологи и диалоги (в скальдических хвалебных песнях их никогда не бывает). В «Речах Вóрона» ворон беседует с валькирией. Валькирия, впрочем, остается композиционно неиспользованной, а ворон незаметно превращается в автора, который и прославляет Харальда Прекрасноволосого, рассказывая о зна-

менитой битве в Хаврсфьорде (в результате ее произошло объединение Норвегии), о женитьбе Харальда на датской королевне, о его дружине, его воинах, его скальдах, его шутах. В «Речах Эйрика» Один, проснувшись в Вальгалле, спрашивает Браги о причине шума, который слышится, и, догадавшись, что это жалует к нему Эйрик, велит легендарным героям Сигмунду и Синфьётли встретить его. В «Речах Хакона» валькирии находят Хакона на поле битвы, и Один принимает Хакона в Вальгалле.

Относительно «Речей Эйрика» в одной саге говорится, что Гуннхильд, жена Эйрика, «велела сочинить о нем песнь, как будто Один принимает его в Вальгалле». Возможно, что образцом, которому она велела последовать, была какая-то несохранившаяся мифологическая песнь. О «Речах Хакона» в той же саге говорится, что Эйвинд сочинил эту песнь в подражание той, которую Гуннхильд велела сочинить о том, как Один пригласил Эйрика в Вальгаллу. В источниках ничего не говорится о том, как возникли «Речи Ворона». Можно, однако, предположить, что и эта песнь была создана в подражание какой-то несохранившейся мифологической песни и что, следовательно, все три продукта скрещения эддической и скальдической традиции возникли в результате того, что хвалебная песнь была сочинена в подражание эддической песни.

Наряду с хвалебной песнью существовал другой жанр скальдической поэзии — так называемые «отдельные висы».

Скальдические отдельные висы сохранились как цитаты в сагах, где они приводятся как «сказанные», т. е. как бы сымпровизированные, тем или иным персонажем саги. По-видимому, скальдические отдельные

висы действительно могли импровизироваться. Случалось, как рассказывается в сагах, что скальду ставилось какое-то трудное условие, которое он должен был выполнить в своем произведении, и он тут же сочинял вису, в которой это условие было выполнено. Вообще, однако, сочинение скальдических стихов требовало, конечно, времени, и в сагах нередко рассказывается о том, как скальд заранее сочинял хвалебную песнь, которую он собирался исполнить. Поэтому скальдические отдельные висы, которые приводятся в сагах как «сказанные» кем-то (при этом подчас в таких ситуациях, которые исключали возможность импровизации, — в пылу битвы, в момент смерти, во сне и т. д.), отнюдь не обязательно были в самом деле импровизациями. То, что они приводятся в сагах как «сказанные» кем-то, — это, очевидно, просто перенесение на скальдическое творчество того архаического представления об авторстве в поэзии, которое должно было господствовать, когда сочинение стихов было действительно неотчленено от их исполнения, или, другими словами, когда исполнение стихов не могло не быть в то же время их сочинением.

Скальдические отдельные висы, которые приводятся в сагах, не только не были обязательно импровизациями, но они, как общепризнано, не обязательно были и сочинены теми персонажами, которым они приписываются в саге. Они могли быть присочинены при написании саги или еще в устной традиции. Однако о том, какие из отдельных вис подлинные, а какие неподлинные, мнения ученых сильно расходятся. Так, из 84 вис, которые приводятся в «Саге о Кормаке» (в ней их больше всего), некоторые ученые считают большинство подлинными, тогда как другие утверждают, что большинство их неподлин-

ные. Дело в том, что бесспорного критерия подлинности или неподлинности скальдических вис, в сущности, нет. Несомненно, однако, что с точки зрения тех, кто присочинял скальдические висы, такое присочинение не делало сагу менее правдивой. Это объясняется, по-видимому, не только тем, что в сагах правдоподобный вымысел, как правило, принимался за правду даже самим автором, но также и характером скальдического творчества: поскольку содержание скальдических стихов было предопределено фактами, т. е. не было самовыражением личности, а их форма в силу ее трафаретности была общим достоянием, сочинение стихов за того, о ком рассказывалось в саге, как бы входило в функции хорошего, т. е. правдивого, рассказчика саги.

Скальдическая отдельная виса — как правило, совершенно такая же дротткветтная виса, как те, из которых состоят драпы: в ней тот же узор внутренних рифм и аллитераций, такие же кеннинги, такое же переплетение предложений. Но отдельная виса сочинялась не для того, чтобы обеспечить кому-нибудь славу, и ее автор не мог рассчитывать на вознаграждение за сочинение. Она была бескорыстным творчеством. Именно поэтому в отдельных висах всего очевиднее, что скальдическое творчество было хотя и сознательным, но направленным только на форму, а не на содержание, и что форма была независимой от содержания. Характерно, что в отдельных висах, т. е. в стихах самого разнообразного содержания и вовсе не предназначенных для какого-нибудь торжественного исполнения, безраздельно господствуют тот же размер и та же фразеология, что и в драпах, т. е. произведениях, в которых речь идет, как правило, о воинских подвигах и которые предназначались

для торжественного церемониального исполнения. Такое отношение к форме было, конечно, лишь обратной стороной определенного отношения к содержанию: в сущности, отдельные висы были просто способом констатации фактов.

Содержание скальдических отдельных вис настолько же разнообразнее содержания скальдических хвалебных песней, насколько содержание саг разнообразнее содержания хвалебных песней. Правда, в отдельной висе может идти речь (как всего чаще в хвалебных песнях) о пролитии крови (нарушения мира, распри занимают большое место в сагах), но в ней может рассказываться и о торговой сделке, свидании с женщиной, украденной застежке, встрече в пути, чистке овечьего загона, праве на наследование имущества, виденном во сне и т. д. и т. п., — словом, обо всем, о чем может зайти речь в саге. Представление о том, насколько разнообразны поводы, по которым сочинялись отдельные висы, могут дать примечания к отдельным висам, помещенным в настоящем издании.

Если, устранив кеннинги, изложить содержание отдельной висы в прозе, то оно обычно оказывается крайне скудным и сводится к констатации каких-то невымышленных фактов, которые сообщаются как объяснение причины поступка, предупреждение, совет, угроза, похвальба или просто информация. Нередко в отдельной висе сообщаются имена конкретных людей, названия конкретных местностей, даже цифры. Ничего «поэтического» в современном смысле слова в содержании отдельной висы, как правило, нет. Оно обычно настолько отрывочно, случайно, индивидуально и конкретно, что без сопровождающего прозаического текста так же непонятно, как могут быть не-

понятными перехваченное чужое письмо или подслушанный разговор. Крайне условная форма сочетается в скальдических отдельных висах с содержанием, свободным от каких-либо литературных условностей. Никакого художественного вымысла в отдельных висах, как правило, не бывает.

Может показаться, что преобладание индивидуального и конкретного в содержании отдельных вис, необщий характер этого содержания, и особенно в тех висах, где речь идет о личной жизни автора, например его отношении к какой-то определенной женщине, — это нечто аналогичное тому «необщему», которое в лирике нового времени кажется поэтическим достижением. Но дело в том, что «необщее» в лирике нового времени — сознательный художественный прием, результат преодоления уже достигнутого «общего». Предпосылка этого «необщего» — уже выработанные лирические общие места и типические лирические ситуации, от которых автор лирического произведения отталкивается. «Необщее» в лирике нового времени — результат обобщения, так сказать, второй степени. Между тем «необщее» в скальдических отдельных висах — результат того, что автор не может оторваться от конкретной ситуации, не способен на сознательное художественное обобщение. Лирика в собственном смысле слова, т. е. обобщенное выражение чувства, была еще невозможна. Зачатки лирики появляются только в некоторых поздних скальдических произведениях (в «Драпе о Йомсвикингах» Бьярни Кольбейнссона, «Пословичной поэме» неизвестного автора, отдельных висах Рёгнвальда Кали), авторы которых сетуют на свою несчастную любовь к женщине (такие сетования — это, конечно, лирическое общее место!).

Благодаря тому что в скальдических отдельных висах сообщаются только невымышленные факты, функция этих вис была очень широкой. Они могли быть своего рода документом — доказательством, уликой, оправданием, также докладом, отчетом, донесением, в то же время оставаясь в глазах современников в совершенно такой же мере поэзией, как и стихи, не выполняющие никакой такой функции. Типичны в этом отношении стихи Сигхвата, едва ли не самого замечательного из исландских скальдов. Его «Висы о поездке на восток» — это отчет о его поездке в Швецию с дипломатической миссией (Сигхват занимал высокое положение при дворе норвежского короля). Эти висы цитируются в «Круге Земном», т. е. истории Норвегии, не для того, конечно, чтобы оживить или украсить рассказ, но потому, что автор «Круга Земного» считал (и, несомненно, справедливо считал), что стихи Сигхвата содержат точные и достоверные сведения. В «Висах о поездке на восток» Сигхват рассказывает не только о своих путевых впечатлениях, но также о дипломатических переговорах и договорах. В то же время он проявляет огромное мастерство: оставаясь в тесных рамках дротткветтной висы, ему удается почти полностью преодолеть скальдическую вычурность и максимально приблизиться к языку прозы. Недаром о Сигхвате рассказывалось, что, хотя он обычно говорил медленно, стихами он говорил так же свободно, как прозой.

Не менее замечательны «Откровенные висы», сочиненные Сигхватом около 1038 г. В результате жеребьевки между двенадцатью приближенными короля Магнуса Сигхвату пришлось докладывать королю о недовольстве его политикой в некоторых кругах норвежского общества и о необходимости из-

менить ее, чтобы избежать гражданской войны и государственного переворота. В сохранившихся восемнадцати дротткветтных висах этого цикла Сигхват обстоятельно и объективно освещает политическую ситуацию и дает королю соответствующие рекомендации. Скальдические отдельные висы могли быть несравненно актуальнее политически, чем это возможно для поэзии нашего времени, и в то же время быть в несравненно большей мере литературой и даже поэзией, чем это возможно для политического документа в наше время. Другими словами, они могли быть одновременно и политическим документом, и поэзией.

Особым скальдическим жанром обычно считается так называемый «нид», т. е. хулительные стихи. В сагах нередко рассказывается о ниде и о том действии, которое ему приписывалось. О том, как Эгиль вырезал нид на жерди с насаженным на нее лошадиным черепом с целью прогнать короля Эйрика Кровавая Секира из Норвегии, уже была речь выше. Известностью пользовался также рассказ о «Ярлове ниде» скальда Торлейва. Когда ярл Хакон Могучий (974—994) отобрал у Торлейва его товары, сжег его корабль и повесил его спутников, Торлейв, переодетый нищим, пробрался в палаты ярла и получил разрешение сказать сочиненные им стихи. Ярлу сначала показалось, что Торлейв прославляет его и Эйрика, его сына. Но вдруг на ярла напал страшный зуд, и ярл понял, что стихи Торлейва — скрытый нид. Когда Торлейв начал говорить центральную часть своего нида, в палате стало темно, все оружие пришло в движение, многие были убиты, и ярл упал без сознания. У него отгнила борода и волосы по одну сторону пробора, и он долго пролежал после этого больной.

О том, насколько всерьез принимался нид, свидетельствуют также многочисленные сообщения в сагах об убийствах в отместку за нид. Вся «Сага о Бьёрне» представляет собой, в сущности, рассказ о стихотворном поединке между Бьёрном и Тордом. Из этой саги видно, какую роль играли хулительные стихи в Исландии, как их исполняли на «конских тингах» (сходках, на которых происходили конские бои), как они распространялись от хутора к хутору, как они вызывали тяжбы на альтинге, объявления вне закона, поединки и убийства. Так и Бьёрн, герой саги, был в конце концов убит Тордом, его противником в стихотворном поединке. Известно, что даже один из первых христиан в Исландии, Торвальд Кодранссон, убил троих за нид, сочиненный о нем и немецком епископе Фридреке. Известно также, что в «Сером Гусе» — древнеисландском своде законов — запрещалось сочинять, исполнять или заучивать хулительные стихи под страхом штрафа, зависящего от объема стихотворения.

Образчиков нида сохранилось очень мало. Сохранившиеся его образчики, как правило, не отличаются по форме от других отдельных вис, цитируемых в сагах, и непосредственно примыкают к ним по содержанию. Если нид был направлен против мужчины, то он чаще всего содержал обвинение в том, что тот выполнял те или иные функции женщины. По-видимому, такое обвинение было, согласно представлениям эпохи, наивысшим оскорблением. Так, в ниде о Торвальде Кодранссоне говорилось, что епископ Фридрек родил от него девятерых детей. Однако едва ли существовала резкая граница между оскорблениями этого рода и обвинениями в трусости, лживости, глупости, безобразии, нечистоплотности и т. д.,

и такие обвинения тоже встречаются в отдельных строфах.

По-видимому, однако, способность оказать вредоносное действие приписывалась не тому или иному содержанию нида, а самой его форме, т. е. тому, что он был не простой речью, а «связанной речью», стихами. Ведь к тому же сводилась и сущность хвалебной песни: она тоже была действенна в силу не своего содержания, а своей формы. Конечно, и то и другое в конечном счете — пережиток представления, что слово может оказывать магическое действие. Характерно, что нидом называли не только хулительные стихи, но и жердь с насаженным на нее лошадиным черепом, которая воздвигалась с той же целью, с какой сочинялись такие стихи. В этом случае еще очевиднее, что нид представлялся чем-то, способным оказать магическое действие на того, на кого он был направлен. Что такая способность приписывалась стихотворной форме самой по себе, видно также из зафиксированного в «Сером Гусе» запрета сочинять стихи о женщине под страхом штрафа. По-видимому, считалось, что такие стихи могут подействовать как приворот, т. е. как магическое средство. Но несмотря на запрет, такие стихи, конечно, все же сочинялись.

В той мере, в какой нид представлял собой не только поношение, но и осмеяние, он — своего рода сатира, однако сатира очень примитивная. Ее примитивность не только в том, что направленность нида на конкретное лицо осознавалась как магическое действие (искусство сатиры еще не отделилось от магии), но также и в том, что объект осмеяния в ниде — всегда конкретное лицо, а не тип или характер (искусство сатиры еще не стало художественным обобщением). Однако не случайно зачатки сатиры возникли

именно в скальдической поэзии, т. е. поэзии личной: ведь осмеяние подразумевает не только того, кто осмеивается, но также и того, кто осмеивает, т. е. конкретное лицо, осознающее себя автором. Таким образом, осмеяние становится одной из функций литературы только с возникновением осознанного авторства.

ОБЩИЕ БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ СВЕДЕНИЯ

Есть два издания всей скальдической поэзии: 1) Den nørsk-islandske skjaldedigtning ved Finnur Jónsson, bd 1A, 2A (текст по рукописям), bd 1B, 2B (исправленный текст с переводом на датский язык). København, 1912—1915 (в 1967—1973 гг. вышло фототипическое издание всех четырех томов в издательстве «Rosenkilde og Bagger»); 2) Den norsk-isländska skaldediktningen reviderad av E. A. Kock, bd 1, 2. Lund, 1946—1950. В продолжение около двадцати лет между редактором первого из этих изданий, исландским ученым Финном Йоунссоном, и редактором второго из них, шведским ученым Эрвином Альбином Кокком, шел ожесточенный спор по поводу порядка слов в поэзии скальдов. Йоунссон во множестве работ защищал традиционную точку зрения. Все его толкования сведены в его издании скальдической поэзии. Кокк опровергал Йоунссона и доказывал, что в поэзии скальдов порядок слов не такой замысловатый, какой он получается у Йоунссона. Толкования Кокка публиковались под названием «Notationes norroenae» в журнале «Lunds universitets årsskrift» с 1923 по 1943 г. Текст его издания — результат этих толкований. Есть также множество других работ, посвященных толкованию тех или иных скальдических стихов

или частным вопросам скальдического стиля и т. п. Есть библиография работ о поэзии скальдов: Hollander L. M. A bibliography of skaldic studies. Copenhagen, 1958. Но обобщающих работ о поэзии скальдов нет, если не считать историй древнеисландской и древненорвежской литературы. Есть следующие истории этой литературы: Vries J., de. Altnordische Literaturgeschichte, Bd 1, 2. Berlin, 1964—1967 (изд. 2-е); Paasche F. Norges og Islands litteratur inntil utgangen av middelalderen. Oslo, 1957 (изд. 2-е); Helgason J. Norrøn litteraturhistorie. København, 1934; Jónsson F. Den oldnorske og oldislandske litteraturs historie, bd 1—3. København, 1920—1924 (изд. 2-е); Mogk E. Geschichte der norwegisch-isländischen Literatur. Strassburg, 1904 (изд. 2-е).

На русском языке о поэзии скальдов есть следующие работы: Левестам Г. Исторический очерк древнескандинавской поэзии скальдов. Варшава, 1872; Киев, 1872; Ярхо Б. И. Мансанг, любовная лирика скальдов. — В кн.: Сборник Московского Меркурия по истории литературы и искусства, вып. 1. М., 1917, с. 87—148; Петров С. В. Поэзия древнеисландских скальдов и понятие народности в искусстве. — Скандинавский сборник, 1973, вып. 18, с. 176—193; Стеблин-Каменский М. И. 1) Древнеисландский поэтический термин «дротт-кветт». — Научный бюллетень ЛГУ, 1946, № 6, с. 21—24; 2) К вопросу о кельтском влиянии на поэзию скальдов. — Там же, 1946, № 13, с. 36—38; 3) Поэзия скальдов (автореферат докторской диссертации). — Доклады и сообщения филологического фак-та ЛГУ, 1949, вып. 1, с. 204—206; 4) О некоторых особенностях стиля древнеисландских скальдов. — Изв. АН СССР, Отд ние языка и литературы, 1957, т. 16, вып. 2,

с. 143—155; 5) Происхождение поэзии скальдов. — Скандинавский сборник, 1958, вып. 3, с. 175—201; 6) Лирика скальдов? — В кн.: Скандинавская филология. Scandinavica. Л., 1961 (Учен. зап. ЛГУ. Серия филол. наук, № 308, вып. 62), с. 108—123. См. также книги того же автора: Культура Исландии. Л., 1967, с. 90—115; Историческая поэтика. Л., 1978, с. 40—111; Древнескандинавская литература. М., 1979, с. 64—92. Есть следующие переводы скальдических стихов на русский язык: О. А. Смирницкой в книгах «Исландские саги. Ирландский эпос» (М., 1973) и «Сага о Греттире» (Л., 1976) и А. И. Корсуна в книге «Исландские саги» (Л., 1956). Есть также перевод на русский язык «Младшей Эдды» (Л., 1970), учебника скальдического искусства.

ПРИМЕЧАНИЯ

БРАГИ СТАРЫЙ

Браги Боддасон (т. е. сын Бодди) по прозвищу Старый — норвежский скальд (Исландия еще не была заселена в его время), но его стихи сохранились только в исландской традиции. Это древнейшие сохранившиеся скальдические стихи. Браги упоминается в древнеисландских источниках как предок ряда исландцев, живших в IX—X вв. Судя по его месту в родословных этих исландцев, он жил в первой половине IX в. В «Перечне скальдов» говорится, что Браги был автором хвалебных песней о шведских конунгах Эйстейне Бели и Бьёрне с Кургана. Эти песни не сохранились. В «Саге об Эгиле» Аринбьёрн, друг Эгиля, рассказывает, что, когда его предок Браги навлек на себя гнев шведского конунга Бьёрна, он сочинил драпу в двадцать вис за одну ночь и «получил за это свою голову», т. е. был пощажен Бьёрном. В исландской традиции (в «Книге о заселении страны», в «Саге о Стурлунгах» и в «Саге о Хальве») сохранился также рассказ, в котором Браги выступает то ли как прорицатель, то ли как мудрец: он гостит у норвежского конунга Хьёра и, смотря на игру трех мальчиков — двух сыновей этого конунга и сына рабыни, на которого жена конунга обменяла своих сыновей, так как они были черные с лица, обнаруживает подмену и высказывает свое знание

в восьмистрочной висе (она сохранилась). В исландской традиции упоминается также ас (т. е. бог) Браги. Так, в «Младшей Эдде» говорится: «Есть ас по имени Браги. Он славится мудростью, а пуще того даром слова и красноречием. Особенно искусен он в поэзии, и поэтому его именем называют поэзию». Автор «Младшей Эдды» был несомненно убежден в том, что ас Браги и скальд Браги не имеют ничего общего. Но высказывалось предположение, что ас Браги — это скальд Браги, который в устной традиции превратился каким-то образом в бога.

ДРАПА О РАГНАРЕ

Драпа о Рагнаре — щитовая драпа (см. об этом жанре с. 116). В ней описываются изображения сцен из героических и мифологических сказаний на щите, полученном скальдом в дар от некоего конунга Рагнара Сигурдссона (в «Перечне скальдов» этот Рагнар отождествляется, скорее всего ошибочно, с легендарным датским викингом Рагнаром Кожаные Штаны). В сохранившихся висах этой драпы описываются сцены из сказаний, хорошо известных по «Старшей» и «Младшей Эдде», а именно из сказаний о Хамдире и Сёрли, о битве Хьяднингов, о Торе и Мировом Змее, о великанше Гевьон.

[1, 2] В этих висах описывается сцена из сказания о том, как Тор пытался поймать на удочку Ёрмунганда, т. е. Мирового Змея. *Ведьмин враг* — Тор. *Рыба, страны все обсевшая* — Ёрмунганд. *Ремень ладейных путей* — он же (ладейные пути — море). *Волот* — великан, здесь Хрунгнир, т. е. великан, которому Тор раскроил череп. *Вежа плеч* — голова.

[8] В этой висе описывается сцена из сказания о том, как великанша Гевьон отпахала Зеландию от Швеции плугом, в который запрягла своих четырех сыновей, превращенных ею в быков. Сказание это датского происхождения. Неясно, однако, относится ли эта виса к «Драпе о Рагнаре». *Глыбы блеска* — золото. *Луны во лбах* — глаза. *Бармы боя* — доспехи, снимаемые с убитых после боя, т. е. добыча.

ТЬОДОЛЬВ ИЗ ХВИНИРА

Норвежский скальд второй половины IX в. Хвинир (современное название Квинесдал) — местность в юго-западной Норвегии. В ряде древнеисландских источников Тьодольв называется скальдом норвежского короля Харальда Прекрасноволосого (умер около 940 г.). О самом Тьодольве рассказывается только следующее. Когда Харальд после смерти Снэфрид (финки, которая его околдовала и чары которой разрушились только после ее смерти) прогнал от себя своих сыновей от нее, один из них, Гудрёд Блеск, попросил Тьодольва, который был его воспитателем, заступиться за них перед королем. Тьодольв отправился к Харальду, и тут Харальд и Тьодольв обменялись четырехстрочными висами (они сохранились), и Харальд смиловался. Рассказывается также, что однажды, когда Гудрёд Блеск собрался уезжать от Тьодольва, у которого он гостил, Тьодольв сказал вису (она тоже сохранилась), в которой советовал Гудрёду не отправляться в путь, пока бушует море. Но тот все же отправился и погиб в море. Сохранились почти целиком также два больших произведения Тьодольва — щитовая драпа «Хаустлёнг» и «Перечень Инглингов».

ПЕРЕЧЕНЬ ИНГЛИНГОВ

В этой генеалогической песни (об этом жанре см. с. 117) перечисляются Инглинги — шведские предки норвежского конунга Рёгнвальда Достославного (о том, что такой существовал, известно только из этой песни) в тридцати поколениях, причем рассказывается о смерти каждого из Инглингов, а в десяти случаях и о месте их захоронения. Размер песни — квидухатт (см. с. 101). Песнь эта сохранилась как цитаты в «Саге об Инглингах», первой части «Круга Земного». Утеряно, по-видимому, только начало, где шведский королевский род Инглингов возводился к богам Фрейру и Ньёрду. Историческая основа, которая прощупывается в «Перечне Инглингов», — события V—IX вв. Таким образом, «Перечень Инглингов» — единственный в своем роде источник по древнейшей истории Швеции. Литература о «Перечне Инглингов» очень обширна. Наиболее обстоятельное его исследование: Åkerlund W. Studier över Ynglingatal. Lund, 1939.

[1] В этой висе говорится о том, что Ингвар, шведский конунг из рода Инглингов, погиб во время похода в Страну Эстов и был погребен в кургане у самого моря. Смерть Ингвара датируется предположительно началом VII в.

[2] В этой висе рассказывается о том, что Ингьяльд, внук Ингвара, погиб в огне (видя, что у него недостаточно войска, чтобы противостоять врагам, Ингьяльд поджег свои палаты и сгорел в них вместе со всеми, кто в них был). Смерть Ингьяльда датируется предположительно серединой VII в. *Вор дома* — огонь. *Рэннинг* — какая-то местность в Швеции.

ТОРБЬЁРН ХОРНКЛОВИ

Норвежский скальд IX в. О нем известно только, что он был скальдом норвежского короля Харальда Прекрасноволосого. Сохранились, но не полностью, два его больших произведения — «Речи Ворона», или «Песнь о Харальде», и «Глюмдрапа». И то и другое — хвалебные песни в честь Харальда Прекрасноволосого, но первая — это эддическая хвалебная песнь (об этом жанре см. с. 118), а вторая — обычная скальдическая драпа. Хорнклови — это хейти (прозвище) ворона и в то же время скальда Торбьёрна, которое он получил, как предполагается, потому, что был автором «Речей Ворона».

ГЛЮМДРАПА

Название происходит от слова, которое значит «шум боя» (glymr). Сохранилось девять вис этого произведения. В данной висе идет речь об одной из битв, в которой Харальд одержал победу.

Грохот и гром Скёгуль — битва (Скёгуль — валькирия). *Буря копий* — то же. *Птицы лат* — стрелы.

КВЕЛЬДУЛЬВ СЫН БЬЯЛЬВИ

Норвежский херсир (вождь), отец Грима Лысого, дед Эгиля. Его имя было Ульв, что значит «волк», но так как каждый раз, когда вечерело, он избегал людей и становился сердитым, то поговаривали, что он оборотень, и его прозвали Квельдульв, что значит «вечерний волк». Данную вису он сочинил, когда

после гибели его сына Торольва (его убил Харальд Прекрасноволосый) он слег в постель от горя, и другой его сын, Грим Лысый, говорил ему, что надо отомстить за Торольва.

Рёгнир — Один. *Мечегромец* — воин, т. е. Торольв. *Старость, словно Тору, силу мне сломила* — намек на то, что Тор, борясь со старухой Элли (что значит «старость»), упал на одно колено.

ГРИМ ЛЫСЫЙ СЫН КВЕЛЬДУЛЬВА

Грим Лысый (или Скаллагрим) — исландский первопоселенец, сын Квельдульва и отец Эгиля.

ОТДЕЛЬНЫЕ ВИСЫ

[1] Грим Лысый очень усердно занимался кузнечным делом, а работники его жаловались, что им приходится слишком рано вставать. Тогда он сказал им эту вису. *Долбодрево* — кузнец. *Уборы брата моря* — кузнечные мехи (брат моря — ветер). *Клети, жрущие ветер* — то же.

[2] Сын Скаллагрима Торольв привез из Норвегии отделанную золотом и серебром секиру — подарок от норвежского короля Эйрика Кровавая Секира, сына Харальда Прекрасноволосого. Скаллагрим раз испробовал ее, отрубив головы сразу двум быкам, отчего она зазубрилась, и засунул ее за балку над дверью, и больше ею не пользовался. Когда Торольв снова собрался в Норвегию, Скаллагрим достал почерневшую от копоти и заржавевшую секиру и, отдавая ее Торольву, сказал эту вису.

ЭГИЛЬ СЫН ГРИМА ЛЫСОГО

Эгиль Скаллагримссон (т. е. сын Грима Лысого) — бесспорно самый выдающийся из скальдов. Годы его жизни примерно 910—990. О нем много рассказывается в «Саге об Эгиле», одной из лучших исландских «родовых саг». Ее русский перевод есть в книге: Исландские саги. Л., 1956, с. 61—251. Эгиль, как его образ встает из саги, был не только вдохновенным поэтом, но также воинственным викингом, беспощадным к врагам и жадным на добычу. В саге так описывается его внешность: «У Эгиля было крупное лицо, широкий лоб, густые брови, нос не длинный, но очень толстый, нижняя часть лица широкая и длинная, подбородок и скулы широченные. У него была толстая шея и могучие плечи. Он выделялся среди других людей своим суровым видом и в гневе был страшен. Он был статен и очень высок ростом. Волосы у него были цветом как у волка, но он рано стал лысеть».

Сохранились три больших произведения Эгиля — «Выкуп головы», «Утрата сыновей» и «Песнь об Аринбьёрне», а также фрагменты «Драпы об Адальстейне» и двух щитовых драп и 46 отдельных вис.

ВЫКУП ГОЛОВЫ

История сочинения «Выкупа головы» такова. Эгилю, который уже дважды надолго покидал Исландию, не сиделось дома. Во время его вторичного пребывания в Норвегии у него был ряд столкновений с Эйриком Кровавая Секира, который тогда правил Норвегией. Эгиль убил одного из сыновей Эйрика и навлек на себя ненависть Гуннхильд, злокозненной

жены Эйрика. «Рассказывают, — говорит сага, — что Гуннхильд занималась колдовством и сделала так, что Эгилю было не найти покоя, пока они снова не увидятся». И вот Эгиль отправился из Исландии в Англию, к королю Этельстану, у которого он был на службе раньше. Но к этому времени Эйрик Кровавая Секира правил уже не Норвегией (он был принужден ее покинуть), а Нортумбрией (т. е. частью Англии), которую он получил в лен от Этельстана. Эгиля застигла сильная буря у берегов Нортумбрии, его корабль разбился в щепы, и он оказался во владениях Эйрика и Гуннхильд. Сразу же Эгиль направился прямо в Йорк, столицу Нортумбрии, к своему другу Аринбьёрну, сыну воспитателя Эйрика и его приближенному. Аринбьёрн стал пытаться помирить Эйрика с Эгилем, но Эйрик хотел сразу же убить Эгиля, и на этом особенно настаивала Гуннхильд. Аринбьёрну удалось все же добиться отсрочки до утра («убийство ночью — это низкое убийство» — довод, который убедил Эйрика). Следуя совету Аринбьёрна и примеру Браги, предка Аринбьёрна, Эгиль сочинил в течение ночи хвалебную песнь об Эйрике. Эгилю сначала мешала какая-то ласточка, которая сидела на окне и все время щебетала. Аринбьёрн прогнал ее и потом стерег окно. Сага дает понять, что Гуннхильд была этой ласточкой. На утро Эгиль исполнил свою песнь перед Эйриком и получил разрешение уехать живым с условием больше никогда не попадаться на глаза ни ему, ни его сыновьям.

История сочинения «Выкупа головы» вызвала обширную литературу. Пытались установить, что́ в этой истории — факты, а что — фольклорные мотивы и вымысел. В частности, высказывались разные предположения относительно того, что заставило

Эгиля отправиться прямо в Йорк. Желание прославиться, совершив небывалый по смелости подвиг? Любовь к другу и желание повидаться с ним? Страх перед Гуннхильд, который толкнул его к ней как загипнотизированного? Забота о грузе с разбившегося корабля и желание принять срочные меры для спасения этого груза? Высказывались также разные предположения относительно того, когда был сочинен «Выкуп головы». Еще в Исландии и первоначально для прославления Этельстана? Не в IX, а только в XII в. и, следовательно, не Эгилем, а кем-то другим? «Выкуп головы» рассматривался также неоднократно с точки зрения истории стихосложения, так как, по-видимому, это было первое скальдическое произведение, в котором была применена конечная рифма (о его размере, рунхенте, см. с. 100). Характерно, однако, что «Выкуп головы» никогда не рассматривался с точки зрения тех представлений о функции поэзии, которые произведения такого рода подразумевают (ср. с. 114).

[1] *Дар Трора* — поэзия (Трор — Один).

[2] *Мед Игга* — поэзия (Игг — Один). *Рот слуха* — уши.

[5] *Тюленье поле* — море.

[6] *Нива жал* — битва.

[8] *Рогач ран* — секира.

[10] *Волчья выть* — еда, трупы. *Орлиные брашна* — то же.

[11] *Колья раны* — мечи.

[12] *Гъяльпин конь* — волк (Гъяльп — великанша).

[16] *Студеный жар* — золото.

[17] *Мука́ Фроди* — золото (у Фроди была мельница, которая намалывала золото).

[18] *Стержень обручий* — рука. *Кованое око* — щит.
[19] *Волненье меду* — поэзия. *Брагина влага* — то же (Браги — бог поэзии). *Брага Одина* — то же.

УТРАТА СЫНОВЕЙ

Об обстоятельствах сочинения «Утраты сыновей» в саге рассказывается следующее. Вернувшись с похорон своего сына Бёдвара, утонувшего в море, Эгиль заперся в чулане, где он обычно спал, и лежал там, не принимая ни еды, ни питья, никого не пуская к себе и ни с кем не разговаривая. Только на четвертый день его дочери (она к этому времени приехала в Борг, хутор Эгиля) удалось обманом заставить его выпить молока, а потом убедить его сочинить поминальную песнь о Бёдваре. «Эгиль креп по мере того, как он сочинял песнь», — говорит сага. Поведение Эгиля после похорон обычно толкуется как проявление глубокого горя, и описание этого поведения считается классическим примером того, как в сагах изображаются душевные переживания. Но было высказано предположение, что истязание, которому подверг себя Эгиль после гибели сына (отказ от еды и питья и т. д.), имело целью, так сказать, мобилизацию его духовных сил для борьбы с враждебными ему силами, т. е. было аналогично шаманскому камланию (см.: Ralph B. Om Tillkomsten av Sonatorrek. — Arkiv för nordisk filologi, 1976, bd 91, s. 153—165). О связи Эгиля с магией см. также с. 90.

Эгиль назвал свою песнь «Утрата сыновей», так как раньше другой его сын умер от болезни. По общему мнению, «Утрата сыновей» — самая оригинальная из скальдических песней. Она единственная из них, в которой содержание — внутренние пережи-

вания автора. Но это переживания, характерные для человека той эпохи. Они подразумевают иррациональную веру в силу родни, в то, что вне рода отдельная личность — ничто (Эгиль отказывается от своего намерения отомстить морскому великану Эгиру не потому, что такая месть вообще никому не под силу, но потому, что он сам не окружен родней, которая бы поддержала его, как поддерживает родня на тинге и в битве). Необычайно в «Утрате сыновей» также то, что объектом прославления в ней в конечном счете оказывается не тот, о ком сложена песнь, а искусство скальда. Размер песни — квидухатт (см. с. 101).

[1] *Хрофтова крадьба* — мед поэзии (Хрофт — Один).

[2] *Дар Ётунхейма* — мед поэзии (Ётунхейм — жилище великанов).

[3] *Имир* — первозданный великан, кровь которого стала морем.

[7] *Ран* — морская богиня, жена Эгира.

[8] *Пивовар* — морской великан Эгир (он наварил пива для богов). *Врат бури* — он же.

[11] *Владыка боя* — Один.

[13] *Поветерь Свивёр* — душа (Свивёр — великанша, но неизвестно, в силу какого мифа «ветер великанши» — это душа).

[19] *Владыка влаги пьяной* — Эгир (см. примечание к 8-й висе). *Клеть раздумья* — голова.

[21] *Друг людей* — Один.

[22] *Владыка сечи, телег приятель, судья побед* — Один.

[23] *Брат Вили, друг Мимира* — Один.

[24] *Ворог Волку* — Один.

[25] *Волчья сестра* — Хель.

ПЕСНЬ ОБ АРИНБЬЁРНЕ

Эта песнь тоже единственная в своем роде: ни в одной другой скальдической хвалебной песни не говорится так много о ее авторе. Об обстоятельствах ее сочинения ничего не известно. Но поскольку Эгиль в ней говорит о том, что произошло во время его посещения Эйрика (висы 3—11), очевидно, что «Песнь об Аринбьёрне» была сочинена позднее, чем «Выкуп головы». Обычно считается, что она была сочинена и позднее, чем «Утрата сыновей». Размер песни — тоже квидухатт.

[3] *Отпрыск Фрейра* — Эйрик Кровавая Секира.

[5] *Луны лба* — глаза.

[6] *Тунд* — Один. *Дева* — Гуннлёд (хранительница меда поэзии).

[13] *Брага Игга* — мед поэзии. *Дар Хрофта* — то же.

[15] *Торир* — отец Аринбьёрна.

[16] *Тот, кто Арин... купно с Бьёрном.* Имя Аринбьёрн разбито здесь на две его составные части: Арин (arinn) значит «очаг, камень», а Бьёрн (bjǫrn)— «медведь».

[17] *Камень-Бьёрн* — Аринбьёрн (см. предыдущее примечание).

[18] *Хроальд* — дед Аринбьёрна. *Братина бури* — небо.

[19] *Ветором* — друг Аринбьёрна (?).

[21] *Дроты тела* — ноги.

[22] *Сыны Драупнира* — золотые кольца (Драупнир — мифическое золотое кольцо, из которого каждую девятую ночь капает по восьми таких же колец).

[24] *Влага чаек* — море. *Конь Рёккви* — корабль (Рёккви — морской конунг).

ДРАПА ОБ АДАЛЬСТЕЙНЕ

Драпу об английском короле Адальстейне (т. е. Этельстане) Эгиль сочинил, когда оставался у него после битвы на равнине Винхейд (см. далее примечания к отдельным висам 7 и 8). Сохранились только одна виса из этой драпы и двухстрочный стев.

Элла — король Нортумбрии, умер в 867 г. *Поломщик пламени волн* — князь (пламя волн — золото). *Путь оленей* — земля, т. е. Шотландия.

ОТДЕЛЬНЫЕ ВИСЫ

[1] Эту вису Эгиль сочинил в детстве. Однажды его сильно поколотил мальчик, который был старше и сильнее его, и тогда Эгиль раскроил ему череп секирой, а мать Эгиля сказала, что из него выйдет викинг и что, когда он подрастет, надо будет подарить ему боевой корабль.

[2] Эгиль сказал эту вису, когда ему на пиру был подан рог с брагой, смешанной с ядом (см. также с. 90). *Зуб зубра* — рог. *Бард* — устроитель пира, управитель Эйрика Кровавая Секира.

[3] Эгиль сказал эту вису на том же пиру. *Эльвир* — человек, с которым Эгиль приехал на пир к Барду. *Дрот зубра* — рог. *Клен железного ливня* — воин. *Ливень влаги Хрофта* — мед поэзии.

[4] Торольв, старший брат Эгиля, взял его с собой в викингский поход на Лунд. Когда они возвращались из похода, ярл Халланда Арнфинн пригласил их к себе на пир. Эгилю выпал жребий сидеть с дочерью ярла, и она, как рассказывается в саге, сказала Эгилю эту вису. В оригинале внутренние рифмы в этой висе не выдержаны. *Прибой блеска лезвий* — битва.

[5] Эгиль усадил дочь ярла Арнфинна рядом с собой и сказал эту вису. В оригинале и в этой висе внутренние рифмы не выдержаны. Город, упоминаемый в висе, — Лунд.

[6] Когда Эгиль с Торольвом возвращались из Страны Фризов, куда они ходили в викингский поход, однажды вечером Эгилю сообщили, что викинг Эйвинд Хвастун подстерегает их на двух кораблях у западного побережья Ютландии. Эгиль сразу же вышел на своем корабле в море: «На рассвете они подошли к кораблям Эйвинда, стоявшим на якоре, и тотчас же напали на них, пустив в ход оружие и камни. Многих из людей Эйвинда они убили, а сам Эйвинд бросился за борт и вплавь добрался до берега, как и те его люди, которым удалось спастись». Рассказывая об этом Торольву, Эгиль сказал эту вису. *Дони* — Дания.

[7] Эту вису Эгиль сказал, похоронив своего брата Торольва, который погиб в битве на равнине Винхейд у реки Вины (на севере Англии). Эгиль и Торольв были военачальниками в войске английского короля Этельстана, который тогда одержал победу. Битва эта произошла в 937 г.

[8] Эту вису Эгиль сказал тогда же. *Синь-гад* — меч Эгиля «Гадюка». *Адгильс* — ярл, которого Эгиль сразил в битве. *Алейв* — король скоттов, который тоже погиб в этой битве. *Хринг* — ярл, брат Адгильса, сраженный Торольвом в той же битве.

[9] Эгиль сказал эту вису, когда Этельстан дал ему два сундука с серебром для Грима Лысого как виру за сына, а ему самому — большое золотое обручье, а также обещал ему земли и почести или деньги, чего тот захочет, как виру за брата.

[10] Эгиль сочинил эту вису, когда гостил у своего друга Аринбьёрна, у которого жила тогда Асгерд, вдова Торольва, брата Эгиля. Вскоре Эгиль посватался к Асгерд, и она стала его женой. *Сив насеста сокола* — женщина, т. е. Асгерд (насест сокола — рука, Сив — богиня, жена Тора). *Мыс промеждубровный* — нос.

[11] Эту вису Эгиль сказал на тинге, на котором Берг-Энунд, муж сводной сестры Асгерд, жены Эгиля, оспаривал право последней на наследство ее отца на том основании, что мать Асгерд была якобы рабыней. *Шип шипов* — воин, т. е. Берг-Энунд. *Ран браги рога* — женщина, т. е. Асгерд (Ран — богиня). *Норна ниток* — то же.

[12, 13] По всей вероятности, Эгиль вырезал эти две висы на жерди с лошадиным черепом, которую он поставил, уезжая из Норвегии после столкновений с Эйриком Кровавая Секира (ср. с. 90), ибо, как показал норвежский рунолог Магнус Ульсен, когда эти висы были написаны рунами, в них были выдержаны магические числовые соотношения между рунами: в каждом из четырех четверостиший, из которых состояла надпись, было ровно 72 руны, т. е. три раза общее количество рун старшего рунического алфавита (Olsen M. Om troldruner. — Edda, 1916, h. 5, s. 235—239). *Ноша судна* — добро. *Трор* — Один. *Ас края* — вероятно, Тор.

[14] Эту вису Эгиль сочинил после того, как убил своего врага Берг-Энунда, а также Хадда, его брата, и Фроди, приемного сына Эйрика Кровавая Секира. *Ясень блеска степи семги* — воин, т. е. Берг-Энунд (степь семги — море, блеск моря — золото). *Подруга Хрофта* — Земля.

[15] Эгиль сказал эту вису, после того как Эйрик Кровавая Секира, выслушав «Выкуп головы», отпустил его живым. Размер этой висы — квидухатт. *Холм шелома* — голова.

[16] Вису эту Эгиль сказал королю Этельстану, когда тот спросил его, что у него произошло с Эйриком Кровавая Секира. *Повар брашна еранов* — Эйрик (брашно вранов — трупы). *Владыка ратной гадюки* — воин, т. е. Аринбьёрн (ратная гадюка — меч). *Основа шлема* — голова.

[17] Эгиль произнес эту вису в ответ на расспросы Гюды, сестры Аринбьёрна, о том, что с ним произошло в Англии. *Жаждатель державы* — Эйрик Кровавая Секира. *Буй-Арин, Бьёрн* — Аринбьёрн.

[18] Эгиль сказал эту вису перед поединком с Льотом Бледным, берсерком, который сватался к дочери Гюды и, когда ему было отказано, вызвал на поединок Фридгейра, сына Гюды. Эгиль взялся биться с Льотом вместо Фридгейра и сразил Льота.

[19] Однажды Асгерд, жена Эгиля, и Торстейн, сын Эгиля, вынули из сундука Эгиля шелковое одеяние, подарок Аринбьёрна, и Торстейн поехал в нем на альтинг, где оно испачкалось. Когда много позднее Эгиль открыл свой сундук и обнаружил, что одеяние испорчено, он сказал эту вису. *Бальдр барса жижи,* т. е. Торстейн (барс жижи — корабль).

[20] Однажды, когда Эгиль состарился и у него ослабели зрение и слух, а ноги плохо его слушались, он шел вдоль стены дома, оступился и упал, а какие-то женщины увидели это и стали смеяться над ним. Тогда Эгиль сказал эту вису.

[21] Когда Эгиль уже совсем ослеп, он однажды подошел к очагу погреться. Женщина, которая стряпала у очага, сказала, чтобы он шел на свое место

и не мешал ей работать. Тогда Эгиль сказал эту вису. *Сюн заплат* — женщина (Сюн — богиня). *Речь волотов* — золото (неизвестно в силу какого мифа, золото — это «речь великанов»).

[22] Еще как-то один раз, когда Эгиль подошел к очагу погреться, кто-то спросил, не замерзли ли у него ноги, и посоветовал ему не держать их слишком близко к огню. Тогда Эгиль сказал эту (свою последнюю) вису. Ее размер — квидухатт.

ЭЙВИНД ПОГУБИТЕЛЬ СКАЛЬДОВ

Эйвинд Финнссон (т. е. сын Финна), по прозвищу Погубитель Скальдов, был последним норвежским скальдом, о котором есть сведения в исландской традиции. Он происходил из знатного севернонорвежского рода и был родичем Харальда Прекрасноволосого. Он известен в основном как скальд норвежского короля Хакона Доброго (умер ок. 960), сына Харальда Прекрасноволосого. Но сохранились также отдельные висы Эйвинда, в которых нашло выражение его отрицательное отношение к преемнику Хакона — Харальду Серая Шкура (умер ок. 970), сыну Эйрика Кровавая Секира. Рассказывается, что Эйвинд сочинил однажды драпу о всех исландцах (она не сохранилась), которая так понравилась в Исландии, что каждый исландец дал по серебряной деньге и из этого серебра сделали пряжку и послали Эйвинду, а тот велел разрубить ее на части и потратил серебро на покупку скота (тогда был голодный год). По-видимому, уже в глубокой старости Эйвинд сочинил «Перечень Халейгов», генеалогическую хвалебную песнь в честь хладирского ярла Хакона Могучего, который правил Норвегией с 974 по 994 г. Прозвище свое Эй-

винд получил, как обычно предполагается, потому, что он многое заимствовал у своих предшественников. Однако у всех скальдов есть заимствования у предшественников, и произведения Эйвинда отнюдь не менее оригинальны, чем произведения других скальдов (скорее, наоборот!). Поэтому вполне возможно, что Эйвинд был назван Погубителем Скальдов в том смысле, что он затмевал своих предшественников.

РЕЧИ ХАКОНА

«Речи Хакона» — эддическая хвалебная песнь (об этом жанре см. с. 118), сочиненная вскоре после смерти Хакона Доброго в подражание, как предполагается, «Речам Эйрика» — эддической хвалебной песни, сочиненной каким-то норвежским скальдом после смерти Эйрика Кровавая Секира. В «Речах Хакона» рассказывается о том, как боги принимают Хакона в Вальгалле после битвы, в которой он был смертельно ранен. Битва эта произошла около 960 г. у Фитьяра на острове Сторд, в западной Норвегии. Предводителем вражеского войска (в значительной части датского) был Харальд Серая Шкура, который после смерти Хакона стал королем Норвегии. Размер песни — это так называемый «диалогический размер» (один из двух эддических размеров); в нем, как правило, в каждой третьей строке аллитерация только внутри данной строки.

[1] *Гёндуль* и *Скёгуль* — валькирии. *Гаутатюр* — Один. *Ингви* — бог Фрейр.

[2] *Бьёрнов брат* — Хакон.

[3] *Халейги* — жители Халогаланда, области на севере Норвегии. *Хольмрюги* — жители Рогаланда, об-

ласти на западе Норвегии. *Ясень битвы* — воин, т. е. Хакон. *Шест сражений* — то же.

[5] *Одежды Одина* — доспехи.

[7] *Море ран* — кровь. *Мыс булатный* — щит.

[8] *Гроза Скёгуль* — битва. *Непогода Одина* — то же. *Струи стали* — кровь.

[14] *Хермод* и *Браги* — боги. *Хрофтатюр* — Один.

[15] *Кряж сраженья* — воин.

[16] *Восемь братьев* — восемь других сыновей Харальда Прекрасноволосого, погибших раньше Хакона.

[20] *Фенрир Волк* — волк-чудовище, появление которого будет началом гибели мира.

ОТДЕЛЬНЫЕ ВИСЫ

В «Круге Земном» говорится: «Все сыновья Гуннхильд [т. е. Харальд Серая Шкура и его братья] слыли скупыми, и говорили, что они зарывают деньги в землю. Вот что сочинил по этому поводу Эйвинд Погубитель Скальдов». И дальше приводятся висы 1 и 2.

[1] *Посев полей Фюри* — золото (в долине реки Фюри, около Упсалы, легендарный датский герой Хрольв Жердинка рассыпал по земле золото, чтобы остановить своего преследователя — шведского короля Адильса). *Враг достойных воев* — Харальд Серая Шкура. *Мучица Фроди* — золото (у легендарного датского короля Фроди была мельница, на которой две рабыни-великанши намалывали золото). *Утроба, родившая ворогов всех волотов* — Земля (враг всех великанов — Тор, сын Земли).

[2] *Заря надбровий Фуллы* — золото (Фулла — богиня, у которой был золотой венец). *Откосы сокольи* — руки. *Враг исполинов* — Тор. *Огонь пучины* — золото.

КОРМАК СЫН ЭГМУНДА

Кормак Эгмундарсон (т. е. сын Эгмунда) — исландский скальд, известный по «Саге о Кормаке», одной из «родовых саг». Годы его жизни примерно 930—970. Основное в саге о нем — история его любви к Стейнгерд. Кормак влюбился в нее с первого взгляда и вскоре после первой встречи обручается с ней, но не является в условленное время, и Стейнгерд выдают замуж за Берси. Кормак сражается с ним на поединке, и Стейнгерд разводится с Берси, но Кормак снова упускает возможность жениться на Стейнгерд, и она выходит замуж за Торвальда Тинтейна. После ряда поединков Торвальд готов уступить Стейнгерд Кормаку, но теперь она отказывается стать женой последнего. После этого Кормак уезжает из Исландии и погибает в битве в Шотландии. То, что Кормак несколько раз упускает возможность жениться на Стейнгерд, хотя и любит ее, сага объясняет проклятьем, наложенным на него колдуньей, сыновей которой он убил. В саге много отдельных вис, приписываемых Кормаку. Но о том, какие из них подлинные, нет единства мнений. Сохранилось также несколько вис из драпы Кормака в честь хладирского ярла Сигурда. В этой драпе каждое четверостишие кончается короткой фразой мифологического содержания.

ОТДЕЛЬНЫЕ ВИСЫ

[1] Кормак сочинил эту вису, когда в первый раз встретился со Стейнгерд. Она разглядывала его, спрятавшись за дверью, но в щель между дверью и порогом ему были видны ее ноги. *Нанна мониста* — женщина (Нанна — богиня, жена Бальдра).

[2] Эту и следующую висы Кормак сочинил во время той же встречи со Стейнгерд, увидев ее глаза в щель над дверью. *Нанна нег* — женщина.

[3] *Фулла браги* — женщина.

[4] Кормак сочинил эту вису в ту же встречу со Стейнгерд, услышав ее разговор со служанкой. Служанка сказала, что Кормак черен и некрасив, но Стейнгерд возразила, что, по ее мнению, он во всем красив, кроме того что у него волосы закрывают лоб. *Херкья молний моря* — женщина (молнии моря — золото, Херкья — великанша). *Медовая Нанна* — то же.

[5] Кормак сочинил эту вису, когда служанка Стейнгерд сказала ему: «Ты бы, наверно, дорого заплатил за то, чтобы у твоей жены были такие волосы или такие глаза, как у Стейнгерд». *Нанна одра* — женщина. *Сага браги* — то же (Сага — богиня). *Фрейя* — богиня, т. е. женщина. *Сив фаты* — женщина.

[6] Эту вису Кормак сочинил, когда служанка Стейнгерд сказала, что он, наверно, дорого оценил бы всю ее госпожу. *Эйр стрел терний кожи* — женщина (стрелы терний кожи — волосы, Эйр — богиня). *Биль златообилья* — то же (Биль — богиня).

[7] Однажды, когда Кормак пришел навестить Стейнгерд, ее отец вызвал ее из дома, запер в каком-то сарае и сказал, что они с Кормаком больше не увидятся. Тогда Кормак сочинил эту вису. *Гунн огня моря* — женщина (Гунн — валькирия, огонь моря — золото). *Фрейя гребня* — то же. *Наль монист* — то же (Наль — мать Локи).

[8] Вернувшись в Исландию после поездки в Норвегию, Кормак сразу же на берегу встретил Стейнгерд. Наступила ночь, и они со Стейнгерд нашли ночлег на каком-то хуторе. Ночью они объяснялись через стену,

которая разделяла их в доме, где они заночевали, и Стейнгерд отвергла Кормака. Тогда он сочинил эту вису.

ТЬЁРВИ НАСМЕШНИК

В «Книге о заселении страны» рассказывается, что Тьёрви Насмешник посватался к девушке по имени Астрид, но ее братья отказали ему и выдали ее за человека по имени Торир. Тогда Тьёрви нарисовал Торира и Астрид на стене отхожего места, и каждый вечер, когда он и его дядя Хроар ходили туда, он плевал в лицо Торира и целовал Астрид, пока Хроар не соскоблил рисунки. Тогда Тьёрви вырезал такие же рисунки на рукоятке своего ножа и сочинил эту вису. В конце концов братья Астрид и ее муж Торир убили Тьёрви и Хроара. Все это происходило в Исландии в середине X в.

Мист мониста — женщина (Мист — валькирия). *Ринд винной братины* — то же (Ринд — богиня).

ГИСЛИ СЫН КИСЛОГО

Гисли сын Торбьёрна Кислого — герой «Саги о Гисли», самой драматичной из «родовых саг» (русский перевод ее см. в кн.: Исландские саги. Ирландский эпос. М., 1973 (Б-ка всемирной литературы), с. 23—80). Сага эта — история исландца, который был объявлен вне закона и поэтому в своей собственной стране стал изгнанником, был вынужден скрываться в продолжение тринадцати лет и в одиночку обороняться от преследующих его врагов. События, которые описываются в саге, происходили в 962—978 гг. В саге

много отдельных вис, приписываемых Гисли. Но подлинность многих из этих вис ставится под сомнение исследователями.

ОТДЕЛЬНЫЕ ВИСЫ

[1] Когда, вынужденный скрываться от своих врагов, Гисли прятался в разных пустынных местах, ему постоянно снились зловещие сны. Он так рассказал однажды своей жене об этих снах: «Ко мне приходят во сне две женщины. Одна добра ко мне и всегда дает хорошие советы, а другая всегда говорит такое, от чего мне становится еще хуже, чем раньше, и пророчит мне одно дурное». Содержание данной висы — один из таких снов. *Наума льна, Хлин длинной рубахи, Ран фаты* — женщина (Наума, Хлин, Ран — богини).

[2] Содержание этой висы — последний сон Гисли перед его гибелью. *Сьёвн серег* — женщина (Сьёвн — богиня). *Порчу пиво карлов* — слагаю стихи (пиво карлов — мед поэзии). *Клен гласа стали* — воин, т. е. Гисли (глас стали — битва). *Роса стрел* — кровь. *Сурт суйма стали* — воин, т. е. Гисли (Сурт — великан, суйм (т. е. сходка) стали — битва).

ЛЕЙКНИР БЕРСЕРК

В «Саге о людях с Песчаного Берега» рассказывается о двух берсерках (т. е. силачах-оборотнях) — Халли и Лейкнире, которых исландец по имени Вермунд привез из Норвегии, но вскоре сбыл своему брату Стюру Убийце. Берсерк Халли стал просить Стюра отдать ему в жены свою дочь Асдис. Стюр поставил условием, чтобы берсерки проложили дорогу

через лавовое поле и сделали в нем ограду. Когда берсерки уже кончали эту работу, мимо них прошла Асдис в своем лучшем наряде. Тут берсерки сочинили каждый по висе. В тот же день Стюр заманил берсерков в жарко натопленную баню и, когда они попытались из нее выбраться, убил обоих. Это произошло около 983 г.

Сив солнця пояса Сигга — женщина (Сигг — название острова, пояс острова — море, солнце моря — золото, Сив золота — женщина, Сив — богиня). *Гна огня мест сокола* — то же (место сокола — рука, огонь рук — золото, Гна — богиня). *Солнце браги рога* — то же (здесь Солнце — имя богини).

ЭЙНАР ЗВОН ВЕСОВ

Эйнар Хельгасон (т. е. сын Хельги), по прозвищу Звон Весов, известен как скальд ярла Хакона Могучего, правившего Норвегией с 974 по 994 г. Эйнар происходил из знатного западноисландского рода. В «Саге об Эгиле» рассказывается, что в юности Эйнар часто беседовал на альтинге с Эгилем, перенимая у него искусство скальда. Согласно этой саге, ярл Хакон сначала не хотел выслушать драпу, которую Эйнар сочинил о нем, и согласился только тогда, когда тот пригрозил, что перейдет к другому ярлу, врагу Хакона. В награду за драпу ярл дал Эйнару щит с изображениями сцен из древних сказаний, а Эйнар потом подарил этот щит Эгилю, и тот должен был сочинить щитовую драпу. Но в «Саге о Йомсвикингах» рассказывается, что, когда Эйнар пригрозил, что перейдет к другому ярлу, ярл Хакон подарил ему драгоценные весы с золотыми и серебряными гирьками, которые могли издавать вещий звон. Отсюда проз-

вище Эйнара. Сохранилось 37 вис драпы Эйнара о ярле Хаконе, которая называется «Недостаток золота». Название это, по-видимому, намек на то, что Эйнар был в бедственном положении, когда сочинял эту драпу.

НЕДОСТАТОК ЗОЛОТА

[1] В этой висе рассказывается о благоприятных последствиях того, что ярл восстановил язычество в Норвегии. *Круг сражений* — щит.

[2] В этой висе рассказывается, что, когда во время своего викингского похода в Гаутланд (т. е. среднюю Швецию) ярл совершил большое жертвоприношение богам, прилетели два ворона, громко каркая, и ярл решил, что это валькирии пророчат ему удачу, сжег свои корабли и прошел по всему Гаутланду с огнем и мечом. *Ньёрд сраженья* — воин, т. е. Хакон (Ньёрд — бог). *Друг дротов* — он же. *Дева-буй* — валькирия. *Хозяин боя* — Хакон. *Тюр Грома* — он же (Тюр — бог).

[3] *Вече сечи* — бой. *Круглый кров* — щит.

СТЕЙНУНН

В «Саге о Ньяле» рассказывается, что Стейнунн, мать Скальда Рэва, выступила против Тангбранда, миссионера, приехавшего проповедовать христианство в Исландии около 1000 г. «Слыхал ли ты, — спросила она его, — что Тор вызвал Христа на поединок, но тот не решился биться с Тором?». «Я слыхал, — ответил Тангбранд, — что Тор был бы лишь прахом и пеплом, если бы бог не захотел, чтобы он жил». «А знаешь ли ты, — возразила Стейнунн, — кто разбил твой корабль?». И она сказала две висы.

ОТДЕЛЬНЫЕ ВИСЫ

[1] *Торг чаек* — море. *Тур волн* — корабль. *Барс бани Гюльви* — то же (Гюльви — морской конунг). *Пустозвон* — священник. *Рыбьи зыби* — море. *Посуда струй* — корабль.

[2] *Древо волн* — корабль. *Морская доска* — то же.

ТОРЛЕЙВ ЯРЛОВ СКАЛЬД

Торлейв Рауфельдарсон (т. е. сын Рыжей Шкуры), по прозвищу Ярлов Скальд, — исландский скальд X в. О «Ярловом ниде», который он сочинил против ярла Хакона Могучего, см. с. 125. Сохранился только этот фрагмент нида.

ХАЛЛЬФРЕД ТРУДНЫЙ СКАЛЬД

Халльфред Оттарссон (т. е. сын Оттара), по прозвищу Трудный Скальд, — герой саги, основанной на его отдельных висах. Основное содержание «Саги о Халльфреде» — история любви Халльфреда к Кольфинне. Ее выдали не за Халльфреда, а за Гриса (имя это значит «поросенок»), но, вернувшись в Исландию, Халльфред встречался с ней и сочинял о Грисе поносные стихи. В саге рассказывается также о том, что Халльфред был скальдом норвежского короля Олава Трюггвасона (994—1000), от которого он получил свое прозвище. Халльфред грозил вернуться к язычеству, если бы король не выслушал драпы, которую Халльфред сочинил о нем. Тогда король согласился выслушать ее, но назвал Халльфреда «трудным скальдом». После гибели Олава Трюггвасона Халльфред сложил поминальную драпу о нем. Халльфред сложил также хвалебные песни о ярле Хаконе Могучем и шведском короле Олаве Эйрикссоне.

ДРАПА О ХАКОНЕ ЯРЛЕ

От этой драпы сохранилось девять четырехстрочных вис.

[1]*Ясень Санна* — воин, т. е. Хакон (Санн — Один). *Льдины, опасные панцирям* — мечи.

[2] *Речи стали* — бой. *Суттунг судна* — кормчий, т. е. Хакон (Суттунг — великан). *Хвойновласая другиня Вавудова* — Норвегия (Вавуд — Один, подруга Одина — Земля).

ДРАПА ОБ ОЛАВЕ СЫНЕ ТРЮГГВИ

От драпы сохранилось (не полностью) девять вис. В данной висе рассказывается о том, как Олав Трюггвасон уехал из России, где он жил при дворе князя Владимира. *Хёрдов друг* — Олав (хёрды — жители Хёрдаланда, края на западе Норвегии). *Мар зыби* — корабль (Мар — конь). *Шило броней* — меч. *Край Градов* — Гардарики, т. е. Русь.

ПОМИНАЛЬНАЯ ДРАПА ОБ ОЛАВЕ СЫНЕ ТРЮГГВИ

От этой драпы сохранилось (не полностью) 29 вис.

ОТДЕЛЬНЫЕ ВИСЫ

[1] Виса направлена против Мара, ярого язычника, который сказал Халльфреду, что тому не видать Кольфинны как своих ушей. *Кроволиз* — язычник. *Лжеслужитель жертвы* — то же.

[2] Эту вису Халльфред сочинил вскоре после того, как принял крещение от Олава Трюггвасона. *Хрофт* — Один. *Видрир* — он же. *Сидскегг* (буквально «длиннобородый») — он же.

[3] Олав Трюггвасон подарил Халльфреду меч без ножен и велел Халльфреду так сочинить вису, чтобы в каждой ее строке встречалось слово «меч».

[4] Как Халльфред уверяет Кольфинну, лежа с ней в постели, он якобы слышал, что эту и следующую висы, направленные против Гриса, ее мужа, сочинила она сама. *Осина льдины рук* — женщина, т. е. Кольфинна (льдина рук — золотое обручье). *Ран перины* — она же.

[5] *Чибис чивой вони* — Грис. *Хлин колец* — женщина, т. е. Кольфинна.

[6] Эту вису Халльфред сочинил однажды, увидя, как идет Кольфинна. *Нанна низей* — женщина. *Сага блеска влаги* — то же (Сага — богиня, блеск влаги — золото). *Щур пучины путин* — корабль (пучина путин — море).

НЕИЗВЕСТНЫЙ АВТОР

Этот фрагмент цитируется в «Младшей Эдде» без указания автора в качестве примера того, как используется имя Ран, жены морского великана Эгира, в поэзии.

Луг Ран — море. *Шек* — водорез корабля.

НИД ИСЛАНДЦЕВ О ХАРАЛЬДЕ СИНЕЗУБОМ

Когда по распоряжению датского короля Харальда Синезубого (умер ок. 985 г.) его наместник Биргир захватил груз исландского корабля, разбившегося у берегов Дании, в Исландии на альтинге было постановлено собрать по висе нида «с носа». Сохранилась одна виса этого коллективного нида исландцев против датского короля и его наместника. Утверждение, что

Харальд и Биргир спаривались как жеребец и кобыла, было, согласно представлениям того времени, наивысшим оскорблением.

ТОРХАЛЛЬ ОХОТНИК

Как рассказывается в «Саге об Эйрике Рыжем» (ее русский перевод есть в кн.: Исландские саги. Ирландский эпос. М., 1973 (Б-ка всемирной литературы), с. 105—1027), Торхалль Охотник был участником одной из поездок исландцев из Гренландии в Северную Америку.

[1] Однажды, когда Торхалль носил воду на корабль, причаливший где-то в Северной Америке, он отпил глоток воды и сочинил эту вису. *Железные клены* — воины, т. е. люди. *Тюр мечей* — воин, т. е. Торхалль.

[2] Торхалль сочинил эту вису, когда они отправлялись в обратный путь из Северной Америки. *Кнур дома Гюльви* — корабль (Гюльви — морской конунг, его дом — море). *Кряжи мечесечи* — воины, т. е. люди.

ГУННЛАУГ ЗМЕИНЫЙ ЯЗЫК

Гуннлауг Иллугасон (т. е. сын Иллуги), по прозвищу Змеиный Язык, — исландский скальд, герой «Саги о Гуннлауге», одной из «родовых саг». Русский перевод этой саги есть в кн.: 1) Исландские саги. Ирландский эпос. М., 1973 (Б-ка всемирной литературы), с. 501—533; 2) Исландские саги. Л., 1956, с. 21—59; 3) Летопись Историко-филологического общества при Новороссийском университете, 1905, вып. 12, Приложения, с. 87—140. Основной мотив саги — соперничество двух скальдов, Гуннлауга и

Храфна, из-за Хельги Красавицы, девушки, которая выходит замуж не за того, кого она любит, т. е. не за Гуннлауга, а за Храфна. В конце концов соперники убивают друг друга на поединке. В саге приводится ряд отдельных вис Гуннлауга. Спорно, сочинены ли все эти висы действительно Гуннлаугом. Однако о том, что существовали скальды Гуннлауг и Храфн, которые сочиняли хвалебные песни в честь ряда иноземных правителей, есть вполне достоверные свидетельства. От хвалебных песней, сочиненных Гуннлаугом, сохранились только фрагменты. Годы жизни Гуннлауга примерно 984—1009 или 987—1012.

ДРАПА ОБ АДАЛЬРАДЕ

От этой драпы сохранился только стев (припев). Гуннлауг сочинил ее, по-видимому, около 1002 г.

Адальрад — это английский король Этельред II (979—1016).

ДРАПА О СИГТРЮГГЕ ШЕЛКОВАЯ БОРОДА

От этой драпы тоже сохранился только фрагмент. Король Сигтрюгг Шелковая Борода, сын Олава Кварана, правил в Дублине с 989 по 1035 г.

Пожар чад вод — золото (чада вод — волны).

ОТДЕЛЬНЫЕ ВИСЫ

[1] Гуннлауг однажды остановился у одного богатого бонда. Утром пастух хозяина поехал на лошади Гуннлауга, и она была вся в мыле, когда он вернулся. Гуннлауг ударил пастуха так, что тот упал без памяти. Хозяин потребовал виры. Гуннлауг предложил ему одну марку серебра. Тому это показалось мало.

Тогда Гуннлауг сказал эту вису. *Пламень из племени плеска вод и блеска* — золото.

[2] Один дружинник норвежского ярла Эйрика сказал, что неплохо бы проучить Гуннлауга немного за его заносчивость. Гуннлауг посмотрел на него и сказал эту вису.

[3] Гуннлауг сказал эту вису человеку, который отказался вернуть ему долг. Гуннлауг тут же вызвал его на поединок и сразил его в поединке.

[4] На пиру у гаутландского ярла Сигурда зашел спор между гаутами и норвежцами о том, кто лучше — гаутландский ярл Сигурд или норвежский ярл Эйрик. Гуннлауга попросили вынести третейское решение, и он сказал эту вису. *Дубы боевые* — воины. *Ярл седовласый* — Сигурд. *Ясень Свидрира* — воин, т. е. Эйрик (Свидрир — Один). *Волк мачты* — корабль.

[5] Гуннлауг сочинил эту вису, когда скальд Халльфред, вместе с которым он возвращался в Исландию, рассказал ему о сватовстве Храфна к Хельге и «также о том, что многие говорили, что Храфн не менее храбр, чем Гуннлауг». *Лыжа лужи* — корабль. *Гром брани* — битва.

[6] Эту вису Гуннлауг сказал во время того же его разговора со скальдом Халльфредом. *Разгул стали* — битва. *Вар ложа* — женщина (Вар — богиня). *Клинья пламени дланей* — пальцы. *Нанна льна* — женщина.

[7] Гуннлауг сказал эту вису Хельге (она уже была женой Храфна), когда после одного свадебного пира, на котором оба присутствовали, гости стали готовиться к отъезду, и «Гуннлауг подошел к Хельге и они долго разговаривали друг с другом». *Полог просторов* — небо. *Сивый сродник девы* — отец Хельги.

[8] Эту вису Гуннлауг сказал тогда же. *Гефн*

вина — женщина, т. е. Хельга (Гефн — богиня). *Кровные родичи* — родители Хельги.

[9] Гуннлауг сказал эту вису Храфну в ответ на его 2-ю вису. Согласно этой висе, Гуннлауг сражался в войске английского короля Этельреда. Но из того, что рассказывается в саге о посещении Гуннлаугом Англии, этого не следует.

[10] Гуннлауг сказал эту вису, явившись на поединок, на который он вызвал Храфна на альтинге. *Ложе льна лба Хельги* — грудь Храфна (лен лба — волосы).

[11] Гуннлауг сказал эту вису, когда однажды утром на альтинге он пошел со своим братом Хермундом умыться на реку, а на другом берегу шли женщины, и Гуннлауг увидел среди них Хельгу. *Биль избытка* — женщина, т. е. Хельга. *Гунн жемчуга* — то же.

[12] Эту вису Гуннлауг сказал, когда он сразил в поединке Храфна, а сам был смертельно ранен. *Гром дротов* — битва. *Мыс* — Динганес, местность в Норвегии (после первого поединка Гуннлауга с Храфном поединки были запрещены в Исландии, и поэтому соперникам пришлось поехать в Норвегию, чтобы там снова сразиться).

[13] Как рассказывается в саге, до того как в Исландии стало известно о последнем поединке Гуннлауга с Храфном, Гуннлауг приснился своему отцу Иллуги и сказал ему эту вису. *Сельдь боя* — меч. *Влага ран* — кровь. *Лом шелома* — меч. *Ложе проса кожи* — голова (просо кожи — волосы).

ХРАФН СЫН ЭНУНДА

Храфн Энундарсон (т. е. сын Энунда) известен в основном по «Саге о Гуннлауге». В этой саге приводятся четыре его висы.

[1] Вскоре после свадьбы Храфна с Хельгой ему приснился сон, который он рассказывает ей в этой висе. *Ньёрун браги* — женщина, т. е. Хельга (Ньёрун — богиня). *Липа лука* — то же.

[2] Храфн сказал эту вису Гуннлаугу, когда во время разъезда с пира, на котором они оба присутствовали, Гуннлауг подскакал к Храфну, так что тот должен был отскочить в сторону. *Улль стали* — воин (Улль — бог). *Волк волн* — корабль.

[3] Эту вису Храфн сказал в ответ на 10-ю вису Гуннлауга.

[4] Как рассказывается в «Саге о Гуннлауге», в ту самую ночь, когда Гуннлауг явился во сне своему отцу, Храфн приснился своему отцу Энунду и сказал ему эту вису. *Змеи тарчей* — мечи (тарч — щит). *Гусенок ран* — ворон.

ТОРМОД СЫН ТРЕВИЛЯ

Тормод Тревильссон (т. е. сын Тревиля) — исландский скальд, который сочинил, где-то между 1010 и 1013 гг., несколько вис о подвигах Снорри Годи, героя «Саги о людях с Песчаного Берега», одной из «родовых саг». Эти висы получили название «Речи Ворона». В данной висе говорится о том, как Снорри убил Вигфуса сына Бьёрна. Размер этих вис — двухтактный, но с внутренними рифмами, как в дроттквете.

Крови ворóны — вóроны. *Вскормыш Бьёрна* — Вигфус.

ТОРБЬЁРН СЫН БРУНИ

Торбьёрн Брунасон (т. е. сын Бруни) — один из героев «Саги о битве на Пустоши», одной из «родовых саг». Он сочинил эту вису, как рассказывается в саге, после ссоры со своей женой.

Мардёлль меда — женщина (Мардёлль — богиня Фрейя). *Яблоки дщери Локи* — яблоки смерти (дщерь Локи — Хель, т. е. смерть). *Модгуд мисы* — женщина (Модгуд — дева, охраняющая вход в Хель). *Ива пива* — то же.

БЬЁРН БОГАТЫРЬ С ХИТ-РЕКИ

Бьёрн Аргейрссон (т. е. сын Аргейра), по прозвищу Богатырь с Хит-реки, — герой «Саги о Бьёрне», одной из «родовых саг». Годы его жизни примерно 989—1024. В саге рассказывается, между прочим, что Бьёрн в юности был на Руси, у «Вальдамара конунга», т. е. князя Владимира. Но основной мотив саги — распря между Бьёрном и Тордом сыном Кольбейна, первоначально из-за Оддню, девушки, которая достается в жены Торду, но потом причиной взаимного ожесточения становятся поносные стихи (т. е. нид), которые Бьёрн и Торд сочиняют друг о друге. Столкновения между ними в конце концов приводят к тому, что Торд убивает Бьёрна. «Серое брюхо» — это нид, направленный против Торда.

[1] *Рысь звона серег* — женщина, т. е. мать Торда.

[2] *Малёц* — это Торд.

ТОРД СЫН КОЛЬБЕЙНА

Торд Кольбейнссон (т. е. сын Кольбейна) — исландский скальд, о распре которого с Бьёрном Богатырем с Хит-реки рассказывалось выше. В «Саге о Бьёрне» приводится ряд отдельных вис Торда, направленных против Бьёрна. Торд был автором также двух драп о норвежском ярле Эйрике и драпы о Гуннлауге Змеиный Язык. Сохранились фрагменты этих драп. Годы жизни Торда примерно 974—1024.

ДРАПА О ГУННЛАУГЕ ЗМЕИНЫЙ ЯЗЫК

В этой висе из драпы Торда о Гуннлауге говорится, что во время своего последнего поединка с Храфном Гуннлауг сразил не только Храфна, но также Олава и Грима, двоюродных братьев Храфна, которые его сопровождали.

Гром стали — меч. *Кряж моряны мечей* — воин, т. е. Храфн (моряна мечей — битва). *Сестра Змея* — Хель, т. е. смерть.

ОТДЕЛЬНАЯ ВИСА

Эту вису Торд сочинил, когда, приторочив голову убитого им Бьёрна к седлу, он возвращался домой и увидел стаю воронов, летевших ему навстречу.

Трупные жеравы — вороны. *Хитный дол* — долина реки Хит. *Дуб шелома* — воин, т. е. Бьёрн.

СИГХВАТ СЫН ТОРДА

О Сигхвате Тордарсоне (т. е. сыне Торда) как скальде см. с. 124. Годы жизни этого выдающегося исландского скальда примерно 995—1045. С восемнадцати лет он был скальдом норвежского короля Олава Святого (1016—1028), а после его смерти — Магнуса Доброго (1035—1047). Его стихотворное наследство очень велико: «Викингские висы» (цикл вис о юношеских походах Олава Святого), «Висы о битве у Несьяра» (цикл вис об этой битве), «Висы о поездке на восток» (цикл вис о поездке Сигхвата в Швецию), «Висы о поездке на запад» (цикл вис о его поездке в Нормандию и Англию), «Флокк об Эрлинге Скьяльгссоне», «Драпа о Кнуте», «Откровенные висы» (цикл

вис, в которых Сигхват рассказывает королю Магнусу о политическом положении в стране), «Поминальная драпа об Олаве Святом» (последнее произведение Сигхвата), 32 отдельные висы и несколько фрагментов других произведений.

ВИСЫ О БИТВЕ У НЕСЬЯРА

В морской битве у Несьяра (Несьяр — это мысы к юго-западу от Осло-Фьорда), которая произошла в 1016 г., король Олав Святой одержал победу над ярлом Свейном. Сохранилось 14 вис этого произведения.

[1] *Пашня Роди* — море (Роди — морской конунг).

[2] *Красные крыши* — боевые щиты.

ВИСЫ О ПОЕЗДКЕ НА ВОСТОК

Висы эти — рассказ Сигхвата о его поездке в 1017 г. в Швецию с дипломатической миссией. Сохранилась 21 виса этого произведения, которое вызвало большую литературу, как единственный в своем роде рассказ очевидца о Швеции начала XI в. В данных двух висах описывается, как Сигхват скачет со своими спутниками по дороге к Рёгнвальду, ярлу западного Гаутланда.

ДРАПА О КНУТЕ

Драпа о датском короле Кнуте Могучем (1016—1035) была сочинена Сигхватом около 1038 г. Ее размер — не дроттквет, а тёглаг (см. с. 100). Сохранилось 11 вис этой драпы. В данной висе говорится о паломничестве Кнута в Рим.

ПОМИНАЛЬНАЯ ДРАПА ОБ ОЛАВЕ СВЯТОМ

Сигхват сочинил эту драпу около 1040 г., т. е. лет десять после смерти Олава. Сохранилось 28 вис этой драпы.

[1] В этой висе Сигхват говорит о «Змее», корабле Олава Трюггвасона, и «Зубре», корабле Олава Святого. *Водный волк* — корабль. *Рог зверя* — нос корабля.

[2] В этой висе Сигхват говорит о затмении солнца, которое произошло якобы в день битвы, в которой Олав погиб. В действительности битва при Стикластадире произошла 29 июля 1030 г., тогда как затмение солнца было 31 августа того же года.

ОТДЕЛЬНЫЕ ВИСЫ

[1] Сигхват рассказал королю Олаву, что, когда он был в Исландии, он жил у человека по имени Карл, и Карл упрекал Сигхвата в том, что он мало работает. А у Карла была молодая жена. «Однажды, — рассказывает Сигхват, — я пошел с женой Карла в одну пещеру и смотрел из нее на жилье Карла. Тут я сочинил эту вису». *Бестла злата* — женщина (Бестла — мать Одина).

[2] Эта виса — отповедь Сигхвата его критикам. *Влага Даина* — мед поэзии (Даин — карлик). *Ясень ратной вьюги* — воин, т. е. Сигхват (ратная вьюга — битва).

ТОРМОД СКАЛЬД ЧЕРНЫХ БРОВЕЙ

Тормод Берсасон (т. е. сын Берси), по прозвищу Скальд Черных Бровей, — один из двух героев «Саги о побратимах», одной из «родовых саг». В Норвегии Тормод стал скальдом Олава Святого и был смер-

тельно ранен в битве при Стикластадире (1030 г.). В «Круге Земном» рассказывается, что женщина, которая лечила раненых после этой битвы, велела Тормоду, стоявшему у огня, принести дров. Когда тот принес их, она посмотрела ему в лицо и спросила, почему он так бледен. Тогда Тормод сказал эту вису. Лекарка велела показать ей рану и обнаружила, что у него в боку торчит железное острие стрелы. Лекарка попыталась вытащить его, но не могла. Тогда Тормод сам вытащил его и тут же умер.

Ива платья — женщина. *Пурга стрел* — битва.

ОТТАР ЧЕРНЫЙ

Оттар Черный — исландский скальд XI в. Будучи посажен под замок королем Олавом Святым за то, что он сочинил стихи о дочери шведского короля, которая потом стала женой Олава Святого, Оттар последовал совету своего дяди, скальда Сигхвата, и сочинил в течение трех ночей драпу об Олаве, тем самым «выкупив свою голову» (ср. с. 114). Сохранились также (тоже не полностью) две другие драпы Оттара — о датском короле Кнуте и шведском короле Олаве. Публикуемая виса из этой последней. Эта драпа была сочинена около 1018 г. В отличие от обычного положения внутренних рифм в дроттквете в этой драпе вторая внутренняя рифма всегда падает на конец строки.

ЭЙНДРИДИ СЫН ЭЙНАРА

Эйндриди Эйнарссон, сын могущественного магната Эйнара Брюхотряса, взял Сигрид, дочь Эрлинга Скьяльгссона, другого могущественного магната, по ее

просьбе на свой корабль. По дороге они должны были заночевать на одном острове. Эта виса — заверение, которое Эйндриди дал потом отцу Сигрид.

Бальдр боя — воин.

ЁКУЛЬ СЫН БАРДА

Как рассказывается в «Круге Земном», Ёкуль Бардарсон, исландец родом и дружинник Хакона Эйрикссона, норвежского ярла, по приказанию норвежского короля Олава Святого должен был быть обезглавлен, но так как Ёкуль отдернул голову, когда услышал над своей головой свист секиры, он был только сильно ранен в голову. Король увидел, что рана смертельна, и велел оставить его в покое. Тут Ёкуль сказал эту вису. Затем он умер.

СКАЛЬД РЭВ

Рэв Гестссон (т. е. сын Геста), по прозвищу Скальд Рэв, также Ховгарда-Рэв, — исландский скальд XI в. О жизни его ничего неизвестно. Но его стихи несколько раз цитируются в «Младшей Эдде». Сохранились фрагменты его стихов о подаренном ему кем-то щите, о скальде Гицуре Золотые Ресницы, о каком-то Торстейне и о какой-то поездке по морю.

ВИСЫ О ПОЕЗДКЕ ПО МОРЮ

[1] *Зверь* — корабль. *Китовый чертог* — море.

[2] *Вёльва Гюмира* — волна (Гюмир — великан). *Медведь вод* — корабль. *Земля зева Эгира* — море (Эгир — морской великан). *Рыбьи зыби* — то же.

[3] *Синь гор* — волны. *Парусатый рысак* — корабль. *Пасть Ран* — морская пучина (Ран — морская богиня).

[4] *Конь дров* — корабль. *Дом кормы* — море.

[5] *Горы моря* — волны. *Гусь стрелы Гуси* — корабль (Гуси — легендарный конунг, имя одной из его стрел омонимично слову, которое значит «вымпел»). *Волк досок* — то же. *Стежка Гламми* — море (Гламми — морской конунг).

ТОРАРИН СЛАВОСЛОВ

Торарин Славослов — исландский скальд XI в. Его «Тёгдрапа» — это хвалебная песнь в честь датского короля Кнута Могучего. Она была сочинена после того, как в 1028 г. Кнут завоевал Норвегию. Драпа эта называется «Тёгдрапа» потому, что ее размер — тёглаг (см. о нем с. 100). По-видимому, Торарин был первым, кто употребил этот размер. Сохранилось 8 вис этой драпы.

Древо ратного града — воин, т. е. Кнут (ратный град — битва).

Сохранилось также 10 вис хвалебной песни Торарина о сыне Кнута Свейне. О Торарине рассказывается, что он навлек на себя гнев короля Кнута тем, что сочинил в его честь флокк, а не драпу. Но от драпы, которую он после этого сочинил, сохранился только припев.

ТОРД СЫН СЬЯРЕКА

Торд Сьярекссон (т. е. сын Сьярека) — исландский скальд XI в. Сохранилось несколько фрагментов его хвалебных песней. В данной висе четыре коротких

сообщения о персонажах героического сказания или мифа (Гудрун, Скади, Одине и Хамдире) переплетаются так, что пятая строка продолжает первую, шестая — вторую, седьмая — третью, а восьмая — четвертую. Виса эта цитируется в «Младшей Эдде». Неизвестно, по какому случаю она была сочинена. Размер ее — двухтактный рунхент (см. с. 100).

Дева гор — Скади. *Хар* — Один.

АРНОР СЫН ТОРДА СКАЛЬД ЯРЛОВ

Арнор Тордарсон (т. е. сын Торда), по прозвищу Скальд Ярлов, — исландский скальд XI в. Арнор был автором хвалебных песней об оркнейских ярлах Рёгнвальде и Торфинне (откуда его прозвище), норвежских королях Магнусе Добром и Харальде Суровом, датском короле Кнуте и некоторых знатных исландцах. Хрюнхенда (от хрюнхент — название ее размера, см. с. 100) — это одна из драп Арнора о Магнусе Добром. Сохранилось 18 вис этой очень пышной хвалебной песни. Сохранились также (не полностью) некоторые другие его хвалебные песни.

ХАРАЛЬД СУРОВЫЙ

Харальд Сигурдарсон (т. е. сын Сигурда), по прозвищу Суровый (1015—1066, норвежский король с 1046 г.), не только покровительствовал скальдам, но и сам был скальдом. В молодости он был предводителем варяжской дружины византийского императора и ходил тогда со своей дружиной в многие походы

в Средиземное море. Харальд был женат на княжне Елизавете Ярославне, дочери Ярослава Мудрого, при дворе которого он долго жил. Харальд погиб в битве во время своего неудачного похода в Англию в 1066 г. О Харальде много рассказывается в исландских «королевских сагах», и в частности в «Круге Земном».

ВИСЫ РАДОСТИ

Этот цикл вис был сочинен Харальдом около 1040 г. Женщина («Нанна ниток»), упоминаемая в припеве, — это княжна Елизавета Ярославна, будущая жена Харальда. На русский язык «Висы радости» переводили 9 авторов: 1) Ф. П. Моисенко (в кн.: Маллет Г. Введение в историю датскую, перевел с французского Федор Моисенко. Ч. 2. СПб., 1785, с. 169—170); 2) Н. А. Львов (Песнь норвежского витязя Гаральда Храброго, из древней исландской летописи Книтлинга сага г. Маллетом выписанная и в датской истории помещенная, переложена на российский язык образом древнего стихосложения с примеру «не звезда блестит далече во чистом поле». [СПб.], 1793); 3) И. Ф. Богданович (Соч., ч. 3. М., 1810, с. 205); 4) К. Н. Батюшков (Вестник Европы, 1816, № 16, с. 257—258); 5) Н. М. Карамзин (История государства Российского, т. 2. СПб., 1818, с. 24); 6) анонимный автор (Московский телеграф, 1825, № 2, с. 225—226); 7) А. К. Толстой (Вестник Европы, 1869, № 4, с. 789—793); 8) А. И. Чудинов (Древнесеверные саги и песни скальдов. — В кн.: Русская классная библиотека, серия 2, вып. 25. СПб., 1903, с. 180—181); 9) А. И. Лященко (в кн.: Sertum bibliologicum в честь А. И. Малеина. Пг., 1922, с. 126—127). Все эти переводы сделаны не с исландского, а с французского или

латинского, и большинство из них — очень вольные пересказы.

[1] В этой висе Харальд говорит, по-видимому, о своем участии в битве при Стикластадире, в которой погиб король Олав Святой. *Трёнды* — жители Трандхейма. *Нанна ниток* — женщина (Нанна — богиня).

[2] В этой висе Харальд рассказывает о каких-то своих походах в Средиземное море. *Дубовый конь* — корабль. *Морская рысь* — то же.

[3] В этой висе Харальд говорит, что он владеет восемью искусствами. Второе четверостишие висы не сохранилось. *Варец браги Вака* — скальд (Вак — Один).

[4] В этой и следующей висах Харальд говорит о каких-то своих походах. *Струи стали* — битва.

[5] *Тын отока* — море (оток — остров).

ОТДЕЛЬНЫЕ ВИСЫ

[1, 2] В «Гнилой коже» (одной из исландских «королевских саг») рассказывается: «Одним летом, когда король Харальд плыл со своей дружиной вдоль берега, они увидели перед собой человека на лодке, который удил рыбу. Король был в веселом настроении и сказал рыбаку, когда корабль проплывал мимо него: „Не можешь ли ты сочинить что-нибудь?“. „Не могу, государь“, — сказал тот. „Нет, — сказал король, — сочини-ка мне что-нибудь!“. Тот сказал: „Тогда вам придется сочинить мне в ответ“. „Идет!“, — сказал король». Тут рыбак (его звали Торгильс) сочинил свою 1-ю вису, в которой он говорит, что теперь он ловит рыбу, но когда-то сражался. Харальд отвечает ему своей 1-й висой, в которой вспоминает свои недавние и давнишние битвы, и велит скальду Тьо-

дольву, который сопровождает его, тоже сочинить вису, и тот сочиняет свою 1-ю вису, в которой говорит о том же, но король находит, что в висе Тьодольва есть неправильная рифма. Тьодольв говорит, что пусть тот, кто может, сочиняет лучше. Тогда Торгильс сочиняет свою 2-ю вису, в которой говорит, что получил подарок от короля, а также о его прошлых битвах, и король сочиняет свою 2-ю вису, а Торгильс отвечает ему своей 3-й висой. *Шек* — водорез корабля. *Поле Гюмира* — море (Гюмир — морской бог).

[3, 4] В «Круге Земном» рассказывается, как Харальд сочинил 3-ю вису перед своей последней битвой, но потом сказал: «Это было плохо сочинено, придется сочинить лучше», и он сочинил 4-ю вису. По стилю и стихосложению первая из этих вис — эддическая, а вторая — скальдическая. *Льдины кровавой давки* — мечи. *Труд ленты* — женщина (Труд — богиня, дочь Тора). *Наль мониста* — то же (Наль — богиня). *Звон дротов* — битва.

ТОРГИЛЬС РЫБАК

[1, 2] См. примечания к отдельным висам Харальда Сурового.

[3] *Цеп стали* — меч. *Навий пир* — битва (навь — мертвец).

ТЬОДОЛЬВ СЫН АРНОРА

Тьдольв Арнорссон (т. е. сын Арнора) родился на севере Исландии и был скальдом сначала Магнуса Доброго (умер в 1047 г.), а потом Харальда Сурового (умер в 1066 г.). Сохранилось много вис из его хвалебных песней, а также его отдельных вис.

ДРАПА О ХАРАЛЬДЕ СУРОВОМ

Сохранилось 35 вис этой драпы. Она была сочинена около 1065 г.

[1] В этой висе говорится об одном из походов Харальда в Средиземное море. *Вяз булата* — воин, т. е. Харальд. *Грудь подруги Видрира* — земля (Видрир, т. е. Один, — муж Земли). *Дочь Онара* — то же (Онар — отец Земли).

[2] В этой висе говорится о событиях, которые произошли весной 1042 г. в Византии. Император Михаил был тогда в результате восстания против него ослеплен, и Харальд, по-видимому , участвовал в этом восстании как предводитель варяжской дружины. *Ворог глада волчья* — воин, т. е. Харальд. *Агдирский князь* — Харальд (Агдир — область в Норвегии).

ОТДЕЛЬНАЯ ВИСА

См. примечание к 1-й и 2-й висам Харальда Сурового. *Гром дротов* — битва.

ХАЛЛИ ЧЕЛНОК

О Халли Челноке, исландском скальде XI в., рассказывается ряд анекдотов, в которых он выступает в полушутовской роли. Халли был скальдом Харальда Сурового. Прозвище свое Халли получил, видимо, потому, что его находчивость сравнивалась с быстротой, с которой снует ткацкий челнок. Стихи Халли образуют составные части анекдотов, которые о нем рассказываются. Большую роль в его стихах играет еда — тема, видимо, сугубо низкая и комическая. Его звали также Халли Каша.

ОТДЕЛЬНЫЕ ВИСЫ

[1] Однажды, когда король постучал рукояткой своего ножа по столу в знак того, что он насытился и можно убирать со стола, Халли был еще голоден. На следующее утро он сказал эту вису.

[2] Халли сказал эту вису, когда король велел, чтобы он под страхом смерти сымпровизировал что-нибудь в тот самый момент, когда ему будет подано блюдо с жареным поросенком. *Ньёрд войны* — воин, т. е. Халли.

СИГУРД КРЕСТОНОСЕЦ

Король Сигурд Магнуссон (т. е. сын Магнуса), по прозвищу Крестоносец, правил Норвегией с 1103 по 1130 г. Ему приписывается эта виса.

ЭЙНАР СЫН СКУЛИ

Эйнар Скуласон (т. е. сын Скули), исландский скальд XII в., провел большую часть жизни в Норвегии и сочинил ряд хвалебных песней о норвежских правителях. Эйнар был священником, и самое значительное его произведение (оно называется «Луч») — драпа об Олаве Святом и чудесах, происшедших после его смерти; это одна из очень немногих драп, сохранившихся полностью (в ней 71 виса). Стихосложение и фразеология в этой драпе традиционно скальдические, и только в ее композиции сказывается влияние церковной гимнической поэзии. Сохранились фраг-

менты других хвалебных песней Эйнара и ряд отдельных вис. Данная виса сочинена по такому поводу. Однажды Эйнар стал просить короля за одного гусельника, которого король велел выпороть за то, что тот ел мясо в пятницу. Тогда король сказал, что пусть порка продолжается, пока Эйнар не сочинит вису. Едва гусельник получил 5 ударов, как виса была готова.

РЁГНВАЛЬД КАЛИ

Кали сын Коля (или Кольссон), он же Рёгнвальд Кали, был в середине XII в. ярлом Оркнейских островов. О нем много рассказывается в «Саге об оркнейцах». В этой саге приводится ряд его отдельных вис. Но не ясно, был ли он действительно автором всех этих вис. В его стихах обнаруживают влияние поэзии трубадуров (в 1151—1153 гг. он совершил поездку в Палестину и по дороге надолго останавливался в Южной Франции). Вместе с исландским скальдом Халлем Торариссоном Рёгнвальд Кали сочинил «Ключ размеров», поэму, состоящую из образцов скальдических размеров и строфических форм, применявшихся скальдами. «Ключ размеров» послужил прообразом для «Перечня размеров» Снорри Стурлусона (стихотворной части «Младшей Эдды»).

ОТДЕЛЬНЫЕ ВИСЫ

[1] В этой висе Рёгнвальд Кали перечисляет 9 искусств, которыми он владеет.

[2] Эта виса была сочинена по такому поводу. Однажды, когда Рёгнвальд и его люди, после того как

они потерпели кораблекрушение у Шетлендских островов, сидели на каком-то хуторе у огня и грелись, вошла служанка по имени Аса, насквозь промокшая, и так дрожала, что никто не мог понять, что она хотела сказать. Рёгнвальд Кали сказал, что он понимает ее язык и, передразнивая ее, сочинил эту вису.

ГУДМУНД СЫН АСБЬЁРНА

Как рассказывается в «Саге о Стурлунгах», некто Гудмунд сын Асбьёрна (умер в 1235 или 1237 г.) сочинил о другом исландце (Торальве сыне Бьёрна, умер в 1240 г.), с которым он враждовал, эту вису.

Мёдрудальские горы — горный перевал на севере Исландии.

ТОРИР ЛЕДНИК

В «Саге о Стурлунгах» рассказывается, что, когда после битвы при Эрлюгсстадире (она произошла 21 августа 1238 г., и это была самая крупная битва в истории Исландии) тех из побежденных, кто попал в руки победителей, либо отпускали, либо обезглавливали, некто Торир Ледник сказал эту вису прежде, чем лечь под секиру (ему должен был рубить голову человек, чьего брата он убил в более ранней битве).

Держись, лысун, за судно — Торир сравнивает себя с человеком, который потерпел кораблекрушение и цепляется за киль опрокинувшегося судна. Сравни также вариант перевода этой висы, опубликованный раньше (в кн.: Стеблин-Каменский М. И. Культура Исландии. Л., 1967, с. 92):

Лезь на киль без страха!
Холодна та плаха.
Пусть метель морская
Мчит, с тобой кончая!
Не тужи от стужи,
Духом будь потуже!
Дев любил ты вволю —
Смерть лишь раз на долю.

СОДЕРЖАНИЕ

	Текст	Примечания
Предисловие	5	
Браги Старый	7	131
Драпа о Рагнаре	7	132
Тьодольв из Хвинира	8	133
Перечень Инглингов	8	134
Торбьёрн Хорнклови	9	135
Глюмдрапа	9	135
Квельдульв сын Бьяльви	9	135
Отдельная виса	9	135
Грим Лысый сын Квельдульва	10	136
Отдельные висы	10	136
Эгиль сын Грима Лысого	11	137
Выкуп головы	11	137
Утрата сыновей	16	140
Песнь об Аринбьёрне	22	142
Драпа об Адальстейне	28	143
Отдельные висы	28	143
Эйвинд Погубитель Скальдов	34	147
Речи Хакона	34	148
Отдельные висы	39	149
Кормак сын Эгмунда	40	150
Отдельные висы	40	150
Тьёрви Насмешник	42	152
Отдельная виса	42	152
Гисли сын Кислого	43	152
Отдельные висы	43	153

Лейкнир Берсерк 43 153
Отдельная виса 43 153
Эйнар Звон Весов 44 154
Недостаток золота 44 155
Стейнунн 45 155
Отдельные висы 45 156
Торлейв Ярлов Скальд 46 156
Ярлов нид 46 156
Халльфред Трудный Скальд 46 156
Драпа о Хаконе ярле 46 157
Драпа об Олаве сыне Трюггви 46 157
Поминальная драпа об Олаве сыне Трюггви 47 157
Отдельные висы 47 157
Неизвестный автор 49 158
Нид исландцев о Харальде Синезубом . . . 49 158
Торхалль Охотник 50 159
Отдельные висы 50 159
Гуннлауг Змеиный Язык 50 159
Драпа об Адальраде 50 160
Драпа о Сигтрюгге Шелковая Борода 51 160
Отдельные висы 51 160
Храфн сын Энунда 55 162
Отдельные висы 55 162
Тормод сын Тревиля 56 163
Речи Ворона 56 163
Торбьёрн сын Бруни 56 163
Отдельная виса 56 163
Бьёрн Богатырь с Хит-реки 57 164
Серое брюхо 57 164
Торд сын Кольбейна 58 164
Драпа о Гуннлауге Змеиный Язык . . 58 165
Отдельная виса 58 165
Сигхват сын Торда 59 165

Висы о битве у Несьяра 59 166
Висы о поездке на восток 59 166
Драпа о Кнуте 60 166
Поминальная драпа об Олаве Святом 60 167
Отдельные висы 61 167
Тормод Скальд Черных Бровей 62 167
Отдельная виса 62 167
Оттар Черный 62 168
Драпа об Олаве Шведском 62 168
Эйндриди сын Эйнара 63 168
Отдельная виса 63 168
Ёкуль сын Барда 63 169
Отдельная виса 63 169
Скальд Рэв 64 169
Висы о поездке по морю 64 169
Торарин Славослов 65 170
Тёгдрапа 65 170
Торд сын Сьярека 65 170
Отдельная виса 65 170
Арнор сын Торда Скальд Ярлов 66 171
Хрюнхенда 66 171
Харальд Суровый 66 171
Висы радости 66 172
Отдельные висы 68 173
Торгильс Рыбак 69 174
Отдельные висы 69 174
Тьодольв сын Арнора 70 174
Драпа о Харальде Суровом 70 175
Отдельная виса 71 175
Халли Челнок 71 175
Отдельные висы 71 176
Сигурд Крестоносец 72 176
Отдельная виса 72 176
Эйнар сын Скули 72 176

Отдельная виса 72 176
Рёгнвальд Кали 73 177
Отдельные висы 73 177
Гудмунд сын Асбьёрна 73 178
Отдельная виса 73 178
Торир Ледник 74 178
Отдельная виса 74 179

Приложения

М. И. Стеблин-Каменский. Скальдическая поэзия 77
Скальдическая поэзия как тип творчества 77
Скальдическое стихосложение 93
Скальдическая фразеология 101
Скальдические жанры 107
Общие библиографические сведения . . . 128
Примечания (*М. И. Стеблин-Каменский*) . . 131

ПОЭЗИЯ СКАЛЬДОВ

Утверждено к печати
Редколлегией серии «Литературные памятники»

Редактор издательства *Н. А. Храмцова*
Художник *М. И. Разулевич*
Технический редактор *Г. А. Смирнова*
Корректор *Э. Н. Липпа*

ИБ № 8617

Сдано в набор 24.01.79. Подписано к печати 02.10.79.
М-41208. Формат $70 \times 90^1/_{32}$. Бумага типографская № 1.
Гарнитура обыкновенная. Печать высокая. Печ. л.
$5^3/_4$=6.72 усл. печ. л. Уч.-изд. л. 6.94. Тираж 50000.
Изд. № 7034. Тип. зак. № 58. Цена 1 р.

Ленинградское отделение издательства «Наука»
199164, Ленинград, В-164, Менделеевская лин., 1

Ордена Трудового Красного Знамени
Первая типография издательства «Наука»
199034, Ленинград, В-34, 9 линия, 12

ПОЭЗИЯ СКАЛЬДОВ

1 р.

«НАУКА»
ЛЕНИНГРАДСКОЕ
ОТДЕЛЕНИЕ